

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ПИРАТЫ ОФШОРНОГО МОРЯ

Сомалийские пираты

Евгений Сухов

Пираты офшорного моря

«ЭКСМО»

2010

Сухов Е. Е.

Пираты офшорного моря / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2010 — (Сомалийские пираты)

Кавказский терроризм окончательно переплелся с бандитскими конторами России – и возникла мощная международная криминальная система, рвущаяся к мировому господству. Чтобы достичь своей цели, ее главари готовят сложнейшую операцию, которая держится в строжайшем секрете. О ней известно лишь то, что не последнюю роль в преступной комбинации должны сыграть сомалийские пираты, финансируемые чеченскими бандитами. И вот спецслужбы ставят перед собой задачу: изловить коварного и опытного чеченского лидера по кличке Мухаджир – ключевую фигуру в этой криминально-денежной цепочке, которая ведет к пиратам...

© Сухов Е. Е., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Сухов

Пираты Офшорного моря

Часть I Кяфир

Глава 1 Заказ

Выглянув в окно, Мухаджир увидел, как Матвей Черный, подхватив супругу под локоток, зашагал к калитке. Непритязательный и веселый, он располагал к себе всякого, кто с ним общался, и Мухаджир как-то однажды подумал, что тоже угодил под его обаяние. Когда придется распрощаться с этим домом, ему будет не хватать общения со стариком.

Телефонный звонок вывел его из задумчивости.

– Это Абу Рахим, Мухаджир, – раздался негромкий голос.

– Я узнал тебя, брат.

– Ты все еще у этого артиста?

– Да, он занятный старик. Это место меня пока устраивает. Вряд ли кто-нибудь вздумает меня здесь искать. Спасибо нашим братьям, что помогли устроиться к нему.

– Хорошо. Но думаю, что скоро тебе нужно будет перебираться в другой уголок.

– Что-нибудь случилось, брат?

Мухаджир невольно посмотрел на дверь, словно опасался, что кто-то может подслушать их разговор. Для старика было бы большим откровением, если бы он услышал, как его охранник бойко лопочет по-английски.

– Мы хотели пропустить с твоей помощью несколько серьезных денежных траншей. Эти деньги через офшорные зоны должны уйти в Сомали на борьбу с неверными. Сейчас там собирается очень много наших, готовится очень серьезная акция. Что ты на это скажешь?

– Это неожиданно. Прежде я не занимался подобными вещами. Почему вы не хотите проделать все это в Европе?

– У нас возникли некоторые трудности. Многие наши счета в Европе заморожены, и нам бы не хотелось рисковать в очередной раз.

– Значит, это моя новая задача?

– Да. Сейчас в России с переводом денег полегче. Нужно только найти подходящих людей, кто взялся бы за эту работу. У тебя есть на примете такие люди?

– Надо подумать, – ответил Мухаджир, перебирая возможные варианты. – Твои рекомендации?

– Эти люди должны быть, скажем так, незаметны... Если они вдруг исчезнут, то чтобы вокруг этого не поднимали шумиху. Иначе это может скверно отразиться на наших делах.

– Я тебя понимаю, брат, – ответил Мухаджир. – Не в первый раз. Таких людей я найду. А за траншами прослежу лично.

– Вот и славно. Аллах акбар!

– Аллах велик!

С минуту после окончания разговора Мухаджир размышлял о том, что стоит предпринять в первую очередь, потом поднял трубку.

– Рамзиль?

– Я слушаю тебя, брат.

– У тебя есть на примете три-четыре человека, желательно студенты или люди, проживающие здесь временно, чтобы они одолжили нам свои паспорта? Обещаю им безбедную жизнь.

– Кажется, я понимаю, в чем дело... У меня есть приятель, большой поклонник Вероники Сероглазой, он свой человек в среде всяческих искателей легких денег.

– Послушай, Рамзиль, мне нет дела ни до твоего приятеля, ни до Вероники Сероглазой. Мне нужны люди для большого дела. Ты говоришь не о том, – не скрывая раздражения, сказал Мухаджир.

– Я еще не договорил, брат, – спокойно отозвался Рамзиль. – Так вот, там, кроме всех прочих, крутятся ребята, которые за деньги воруют разные вещи у артистов. Для фетишистов. Причем весьма неплохо наживаются на этом. Среди них есть трое весьма толковых ребят, главный у них некий Тимофей. Я им закажу выкрасть что-нибудь у того артиста, которого ты охраняешь, а ты посмотришь, насколько хороши они в деле. Уверен, что они придумают что-нибудь занятное, ребята – настоящие мастера своего дела. С головой работают, именно такие нам и нужны. А уж там ты с ними сам поговоришь, думаю, что они не откажутся подработать на стороне. Договорились?

– Кажется, я тебя понял. Жду твоих людей. – Мухаджир, известный здесь под именем Гурий Мещерский, положил трубку.

Глава 2

«Корпорация ценностей»

Суббота была тем днем недели, когда они собирались вместе, трое школьных друзей: Тимофей Воропаев, Леша Панкратов и Александр Чистяков.

Золотое правило субботы гласило: ничего такого, что могло бы отвлечь от общения – ни девушки, ни родители. Ничего! Просто болтали о том о сем, веселились, как могли, и попивали красное вино. В этом была какая-то своя сокровенная прелесть, ведь уже на следующий день приходилось включаться в обычные заботы.

Как-то незаметно привычка встречаться по субботам переросла в нечто большее, чем обыкновенные посиделки на кухне. Неожиданно возникли общие интересы, еще более укрепившие их школьный союз, а главное – появилась возможность неплохо заработать.

Все началось три года назад, когда приятель Тимофея, Федор Кураев, бизнесмен средней руки, предложил достать для него что-нибудь из одежды Вероники Сероглазой (восходящая звезда, у которой в крестных мамах была сама императрица российской эстрады). Обратился Федор к Тимофею не случайно, потому что как раз в то время тот работал в охране Вероники Сероглазой. Все его обязанности сводились к тому, чтобы пошире распахивать перед певицей дверь, когда она куда-нибудь заходит, и, не жалея лицевых мускулов, изображать радостную улыбку, что, собственно, он исправно и делал. Впрочем, за те деньги, что восходящая звезда платила своему охраннику, можно было бы даже кланяться ей в пояс. Но подобного усердия от него и не требовалось, а то небольшое, что ему приходилось демонстрировать, певицу вполне устраивало. Так что своей службой Тимофей был вполне доволен.

Позаимствовать какую-нибудь деталь из одежды певицы для Тимофея не составляло большого труда, тем более что Вероника Сероглазая не отличалась особой аккуратностью и разбрасывала свои вещи по всем комнатам и гримерным, где только гастролировала. Причем театральной одежды у нее было такое огромное количество, что, даже если бы исчезло полдюжины сценических платьев, она едва бы заметила пропажу. Если проявить некоторую ловкость, можно было заполучить какую-нибудь занятую вещицу даже из ее интимного гардероба.

– Послушай, я просто тащусь от этой девочки! – наседал Кураев на Тимофея. – Ты можешь мне не поверить, но у меня дома все стены плакатами с ее изображениями завешаны. – Воропаев понимающе кивнул: верилось легко, Федор всегда был немного странный. – Для тебя это пустячок, а я тебе за это хорошо заплачу.

Поначалу Тимофей посчитал просьбу Кураева обыкновенным чудачеством, от которого можно было отмахнуться, что, собственно, он и сделал. Но при следующем разговоре, когда Федор положил перед ним аккуратную пачку зеленых банкнот с изображением заморского президента, объявив, что предложенные деньги всего лишь задаток за услугу, Тимофей отнесся к его просьбе гораздо внимательнее.

– Хорошо, – кивнул Воропаев, – кажется, я знаю, как тебе помочь.

Уже на следующий день Тимофей выкрал из гримерной Вероники Сероглазой широкую атласную ленточку, на которой был вышит профиль певицы, а на следующий день в небольшом уютном ресторане торжественно передал ленту заказчику. Ликованию Федора не было предела: он так громко завопил, что напугал официанта, и если бы не его отменный профессионализм, тот наверняка уронил бы поднос с бокалами прямо на его белые штаны. Тимофей расслабленно улыбался: приятно доставлять человеку радость, тем более что это легко. Но вдвойне приятно получать за это хорошее вознаграждение.

В общем, в тот день они расстались самыми лучшими друзьями, даже строили какие-то совместные планы. Но надо же было случиться, что именно эта ленточка для Вероники Сероглазой была своеобразным оберегом, который она брала с собой на всякое выступление. Так

что следующий концерт певица провела без своего заветного талисмана, оборвав свое выступление на середине. И если ее не освистали в тот вечер, так только из уважения к своей великой крестной.

Весь следующий вечер из гримерной Вероники Сероглазой доносилось надрывное рыдание, а на следующий день она вышла, как всегда, собранная и уверенная в себе. Еще через час певица рассчитала всю свою охрану, а к обеду в ее офис прибыли вновь нанятые секьюрити (точно такие же парни в строгих темно-синих костюмах).

Тимофей тоже оказался в числе потерпевших. Не сказать, что он сильно жалел о своем увольнении: уж слишком взбалмошная была девица. Но платила она прилично: можно было не думать о хлебе насущном, оставалось лишь поплевывать в потолок и делать вид, что занимаешься чрезвычайно важным делом. Вообще трудно было представить кого-либо, позарившегося на ее тощие телеса.

Как бы там ни было, но пришлось искать работу. И тут совершенно неожиданно ему опять позвонил Кураев. Терпеливо выслушав жалобы Тимофея, он посоветовал не унывать и пообещал, что компенсирует убытки, а заодно завалит работой, которая запросто перекроет прежние заработки Тимофея.

Именно тогда Воропаев узнал, что есть масса фанатиков, которые готовы были за вещи своих кумиров выплатить немалые деньги. Вот так началась новая страница его жизни, и скоро он лично убедился в том, что жить можно весьма неплохо, даже не выходя на службу. Уже через полгода Тимофей мог позволить себе некоторые излишества: например, съездить на месяц в Европу, чтобы взглянуть на исторические достопримечательности и покататься на лыжах в горах.

Эти чудачки-фетишисты последующие три года позволяли ему вести весьма привольную жизнь.

Работа была не пыльная, не требовала огромных энергозатрат, не нужно было устанавливать рекорды по поднятию тяжестей. Если от него что и требовалось, так только изобретательность по части изъятия личных вещей эстрадных звезд и прочих знаменитостей. А потому ему не однажды приходилось применять актерские задатки и представляться лифтером, сантехником, а однажды, надев белый халат, он вовсе отрекомендовался гинекологом.

Но дело того стоило!

Когда заказов стало поступать очень много и у Тимофея просто не хватало физических возможностей удовлетворить спрос, тогда он подключил к делу двух своих школьных друзей, изнывающих от безделья и не знавших, где можно сорвать хорошую копейку.

Поначалу они встретили его предложения с явным недоверием. Возник традиционный вопрос: какой идиот в наше время станет выкладывать за чужие несвежие стринги пять тысяч долларов... Но когда Тимофей на глазах приятелей вынес из гримерной известной танцовщицы капроновые чулки весьма сомнительного качества, которые тут же и продал на выходе полноватому мужичку лет сорока пяти за весьма кругленькую сумму, то они всерьез призадумались. Странно было наблюдать за мужчиной, который, уткнувшись лицом в чулки, шумно и с невероятным аппетитом, расширенными от восторга ноздрями, вдыхал запах предмета своего обожания. А потом, повязав чулки на шею будто шарф, он гордо пошел по улице.

Еще через неделю приятели дали название своей неофициальной компании – «Корпорация ценностей». Как позже выяснилось, в Москве существовало целое сообщество воришек, гонявшихся за вещами знаменитостей (они называли себя «раритетчиками»). Однако наиболее активных, таких как они, насчитывалось не более полусотни.

Некоторые группы раритетчиков имели конкретную специализацию и промышленляли вещами исключительно оперных певцов, что накладывало на их внешность, манеру одеваться и поведение определенный отпечаток. Они выглядели невероятно важными, серьезными и сосредоточенными, словно готовились к выходу на сцену. Другие, напротив, были неверо-

ятно коммуникабельны, веселы, остроумны – это были раритетчики всевозможных звезд реалити-шоу, славившихся раскрепощенностью и экстравагантностью.

Группа Тимофея Воропаева особой специализации не имела и охотно бралась за ту работу, за которую хорошо платили. Тем более что уже были отточены определенные методы и изощренные приемы, позволявшие проникнуть даже к самой закрытой звезде. Самым проверенным методом, разумеется, был подкуп: за щедрое вознаграждение мог дрогнуть даже самый стойкий охранник. А уж если не удавалось пробить эту брешь, приходилось обращаться к обслуживающему персоналу, который за весьма скромное вознаграждение способен был вынести из комнаты знаменитости даже личную кровать.

Так что жилось им небедно и даже где-то весело. Вскоре выкристаллизовался своеобразный корпоратив, так сказать, клуб по интересам, и Тимофей находил время, чтобы встретиться и пообщаться с коллегами из других областей этого промысла.

Выработался даже своеобразный кодекс, нарушать который считалось неприличным. Среди звезд имелись люди, которые были вхожи в самые высокие политические кабинеты – режиссеры, снявшие культовые фильмы, или артисты, имеющие влияние в политической тусовке. От таких следовало держаться подальше – не из чувства благоговения перед их талантами, а из чувства элементарной безопасности. Уж эти могли надолго отравить существование! Тимофей мог припомнить случай, когда за решетку отправились пять человек – только потому, что со стола народного артиста была похищена его любимая авторучка. Ладно бы она представляла собой какую-нибудь историческую или антикварную ценность, а то ведь ручку эту ему подарила любовница, с которой он расстался три года назад, но ручку продолжал хранить в своем кабинете как память.

Лучше работать по-мелкому, втихую, не привлекая к себе особого внимания – красть трусики и лифчики у звездочек, которых полно на эстрадном небосводе. Правда, время их существования не столь длительное, но вполне хватало на то, чтобы месяц-другой безбедно прожить на деньги за какую-либо вещицу. И даже кое-что отложить на черный день.

Собирались по субботам, чтобы подвести итоги проделанной работы и обсудить планы на ближайшие дни. Складывались ситуации, когда с заказом невозможно было справиться в одиночку, приходилось действовать всей группой.

В этот раз отчитывался Леша Панкратов, крупный, добродушный блондинистый парень с пухлыми губами. Людей с такой комплекцией, как у него, обычно называют шкафами. Гору рельефных мускулов увенчала сравнительно небольшая белокурая голова, которая, казалось, была прикреплена к нему от другого тела. Такую фигуру можно было представить на поле брани, прокладывающую путь самоходным орудиям, а то и целому танковому соединению, но уж никак не умелым охотником на предметы женского туалета. Но подобное занятие, кроме куска хлеба с густо намазанной икоркой, давало еще целый ряд преимуществ: например, он стал вхож в эстрадное закулисье, где роем клубились хозяева и хозяйки предметов его охотничьих интересов. Обходительный, фактурный, Алексей нравился женщинам, легко завязывал с ними близкие отношения, но никто из них не мог даже предположить, что в первую очередь его интересовали не их сдобные тела, а предметы их интимного туалета. Так что они бывали чрезвычайно удивлены, когда после бурного свидания с галантным молодым человеком у них вдруг исчезали эксклюзивные пояса или пропадали ночные рубашки.

Как бы там ни было, но жил Алексей весело, перепрыгивая из одной койки в другую, и, похоже, ничего не собирался менять в своей жизни.

Глянув на вино через тонкое стекло, он продолжал прерванный рассказ.

– Задышала она тяжело, в самое ухо. Вижу, созрела девка. Ну, я и начал с нее платье стаскивать. Поначалу-то ничего было, выскользнула она из него, как ящерица из кожи, а когда лифчик начал снимать, отстранилась от меня и говорит: «Я сама». Ну что тут делать, стою,

жду. А она аккуратненько так на стульчик белье складывает, как будто не у любовного ложа, а в бане раздевается. А я голову ломаю, как же у нее лифчик-то стянуть.

Тимофей сдержанно усмехнулся. Ситуация была знакома: одно дело, когда, имитируя страсть, разбрасываешь предметы женского туалета по всей комнате, где запросто может «затеряться» вещь, столь нужная заказчику, и совсем другое, когда женщина, не потеряв рассудок, аккуратно укладывает свою одежду. Потом трудно будет убедить ее в том, что трусики исчезли вследствие необузданного воссоединения двух тел.

– А ведь мне за него три тысячи баксов обещали! Думаю, что делать? И тут вспоминаю, что под кроватью у меня валяется похожий лифчик! Не такой изящный, как у нее, но тоже черный! Думаю, как же его достать, чтобы она не заметила? «Переворачивайся», – говорю. И вот пока она растопыривалась, я сунулся под кровать и поднял этот лифчик. Хорошо, она не заметила. Повернулась ко мне и спрашивает: «Ты чего, уснул там, что ли?» А я говорю: «Любуюсь тобой». Гляжу на нее – ничего так станок, не прогадал. Ухватился за него обеими руками, ну и пошел, как я это умею.

Тимофей невольно улыбнулся: в возможностях приятеля он сумел убедиться на прошлой неделе, когда они, познакомившись с двумя подругами, повели их в холостяцкую берлогу Алексея. В комнате, где Алексей уединился со своей новой знакомой, поднялся такой невообразимый стук, словно всю ночь он занимался ремонтными работами. Удивительно, но соседи к молодецким забавам Алексея относились с большим пониманием, и за то время пока он колодил спинкой кровати о стену, никто даже не постучал, чтобы выразить свое неудовольствие.

– На двадцать пятой минуте вспомнил, что нужно подменить ей лифчик. Потянулся к ее одежде, а она мне так яростно кричит: «Не останавливайся! побыстрее давай!» Хочу честно сказать, мужики, не знаю, как и выдержал, думал, что не хватит меня. А тут она вдруг как-то сразу напряглась, заорала. Потом вдруг ее пот прошиб, она выскочила из моих горячих объятий и плюхнулась животом на постель. Я думал, мужики, что я ее того... до самой смерти уделал, гляжу, совсем не шевелится. Мысли какие-то нехорошие стали в голову приходить. Раздумываю, как же мне от трупа-то избавиться? Да и как же я ее в таком непотребном виде тащить стану? Но смотрю, реснички у нее задергались, ну и вздохнул облегченно, слава богу, живая! Спрашиваю: «Ты как?» А она мне отвечает: «Сил моих бабских нет, ногами даже пошевелить не могу». Я уж понял, что она с полчаса не очухается, поднялся потихонечку, лифчик ее взял, а вместо него старенький подложил. Только я рядышком прилег, как она глаза открыла и спрашивает: «Чего же ты со мной сделал?» Я тут перепугался, думал, неужели заметила? Под простачка решил сыграть, спрашиваю: «А что такое?» А она говорит: «Ты меня чуть на тот свет не отправил, теперь я поняла, что такое рай». Вот так-то, братцы. Только я прилег, чтобы с силами собраться, а она меня в бок толкает: давай по новой! Ненасытная баба попалась, ведь даже толком не отдышался...

Приятельи расхохотались. Трудно было заподозрить в сексуальной ненасытности двадцатилетнее чудо с огромными голубыми глазами, поющее с экранов телевизоров о неразделенной любви. Но Алексею не было никакого смысла преувеличивать.

– Ну, я снова к ней пристроился. Но теперь я уже для себя старался.

– Зачем же ты у нее спер этот лифчик? – серьезно спросил Чистяков. – За все то, что ты для нее сделал, она могла тебе его подарить.

Алексей задумчиво почесал затылок:

– Возможно, так оно и было бы, только ведь расспросы начнутся: для чего он мне, то да се... Вдруг подумала бы, что кому-то подарить хочу.

– А лифчик-то ее при тебе? – спросил Тимофей.

– С собой. Хочешь взглянуть?

– Похвастайся.

Подхватив с пола кейс, Леша торжественно водрузил его на стол. Именно с таким видом VIP-клиент показывает банкиру очередной заработанный миллион. Кейс был вполне солидный: кожаный, со вставками из дорогого экзотического дерева, в таком таскать только миллионную наличность. Вряд ли у кого-нибудь возникла бы мысль, что в его благородном нутре могла храниться несвежая деталь женского туалета.

Щелкнув замками, Панкратов приоткрыл крышку. Приятели склонились над кейсом, будто в ожидании чуда. Точно так выглядят несмышленные малыши, наблюдая за волшебными руками фокусника. И надо признать, что ожидания оправдались: в нарядном хрустящем пакете, перевязанном красной шелковой ленточкой, лежал черный шелковый бюстгальтер.

– О! – восторженно выдохнули три мужика, одновременно потянувшись к пакету.

– Не лапать! – шуточно хлопнул Алексей по ладоням Тимофея. – Испортите товар. Сам покажу!

– А ведь ты счастливчик, Алексей. Бабу такую поимел, да еще и пикантную деталь ее туалета спер! А может, тебе наплевать на эти три тысячи баксов, а лучше пополнишь наши экспонаты? – кивнул Александр на витрину, стоявшую вдоль стены.

В глазах у Алексея отобразилась нешуточная внутренняя борьба. Похоже, что подобная мысль посещала и его. За время существования их «корпорации» через их руки прошло немало вещей, которые представляли настоящую ценность.

Центральное место витрины занимал пегий парик известного драматического актера. Поговаривали, что голова его была гладкой, как бильярдный шар, вот только перед любящей его публикой он представлялся густоволосым шатеном. Алексей уволок парик из гримерной в тот самый момент, когда артист стирал с лица грим. После спектакля народному любимцу пришлось пробиваться к машине через толпы поклонниц в широкополой фетровой шляпе, несмотря на июльскую жару. Позже, вопреки заведенному правилу, он выступил с обращением по телевидению к зрителям с просьбой вернуть ему накладку, пообещав за нее весьма солидную сумму.

Но на совете «корпорации» решено было не отзываться на слезное обращение народного артиста и оставить парик у себя в качестве заслуженного трофея. Вскоре он занял место в специально изготовленной витрине. Собственно, с этого парика и началось пополнение их коллекции, которую они без всякой иронии называли «золотым фондом». Во всяком случае, если продать все имеющиеся здесь экспонаты фанатам-коллекционерам, то можно было не хило разбогатеть.

Другой занятной вещью была ярко-розовая бабочка, принадлежавшая известному оперному певцу. Вроде бы на первый взгляд и мелочь. Всего-то штришок, подчеркивающий индивидуальность, но именно эта деталь оказалась для него невероятно ценной: бабочка была на нем во время первого выступления в Ла-Скала, откуда, собственно, и начался его звездный подъем. С тех самых пор он брал эту бабочку на каждое свое выступление, свято веря, что кусок выцветающей атласной ткани приносит ему неизменную удачу.

Было здесь еще с пяток вещей рангом поменьше, добытых у не столь значительных особ, но тем не менее в выставке реликвий они занимали почетные места.

Вино незаметно кончилось. Неудивительно: подобное приключается со всеми приятными вещами, включая деньги, продажную любовь, лакомую халяву. Благо, что Алексей оказался человеком запасливым: порывшись в шкафу, надо полагать, под самую крышку забитом вещами звездочек, звезд и даже огромных планет (если рассуждать по существу, то в его шкафу была запрятана целая галактика), он вытащил три бутылки вина.

Вино было итальянским, весьма качественным. Как завзятый сомелье, он умело откупорил бутылку, дав понюхать пробку каждому из присутствующих, на что Александр тотчас съязвил:

– Пахнет ничуть не хуже, чем трусики Вероники.

И только после того, как каждый из присутствующих сумел насладиться ароматом разлитого вина, Алексей предложил традиционный тост:

– За тех, кто нас кормит.

Тимофей слышал этот тост не однажды, но всякий раз невольно улыбался: отчего-то ему представлялась хрипатая певица, приехавшая в Москву откуда-то с Алтая. Она пользовалась огромной популярностью у мужиков, причем невзирая на их возраст, профессии и сословия. Бывало время, когда они похищали из ее гардероба до десяти вещей за день, такой был спрос. Впрочем, звезда не унывала, возможно, что даже и не подозревала о пропажах: в ее гримерной всегда царил невероятный хаос, а одежда покрывала пол в два слоя.

Парни с удовольствием выпили. Тимофей был уверен, что в эту самую минуту каждый из них представлял себе кормящую грудь.

– Экспонаты, конечно же, хорошо, – решил на откровение Алексей. – Вот только и на жизнь деньги нужны. Да и машину нужно отрихтовать, тут вчера один урод мне в крыло въехал. Придется заниматься всем этим.

– У тебя же машина совсем новая, – сочувственно отозвался Тимофей.

– То-то и оно, – обиженно протянул Алексей. – Я ее купил два месяца назад. Потеря товарного вида. Теперь за хорошую цену ее и не продать. Покрасишь, так сразу поймут, что битая.

Пакетик с бюстгальтером лежал в центре стола. На закуску, конечно же, не подойдет, но вот занюхать – самое то!

Развязав пакет, Алексей выудил из него лифчик и, уткнувшись носом в черные атласные чашечки, протянул:

– А духан-то какой аппетитный! Не баба, а восточные сладости. Теперь я, кажется, понимаю этого фетишиста.

– Сколько, ты говоришь, он тебе пообещал?

– Три тысячи баксов.

– На четверых этого маловато, – сдержанно заметил Тимофей.

– А если учитывать тот факт, что наши удовольствия требуют денег, так это вообще ничего, – поддержал его Александр.

– Это как посмотреть, – возразил Алексей.

Вино определенно пошло им на пользу: щеки покраснелись, как бывает после морозного воздуха, глаза поблескивали, явно требуя продолжения.

– В неделю по штуке баксов на рыло тоже весьма нехилые бабки.

На какое-то время за столом воцарилось молчание: их ничто более не интересовало, кроме копченой нарезки и твердого швейцарского сыра. В голове приятно зашумело, была создана подходящая база для продолжения разговора.

К вину Тимофей принес набор коллекционного сыра. Торжественно открыл шкатулку и поставил на стол. Выбрал кусок поаппетитнее, темно-желтый, и энергично начал его жевать. Странное дело, но сыр оказался невероятно вонючим, от него так и тянуло общественным сортиром. Трудно было поверить, что последние десятилетия этот сыр не оставался без медалей.

Этот деликатес, вместе с двумя десятками благородных сыров, в резной деревянной шкатулке, выполненной на заказ, ему подарил благодарный клиент, когда Тимофей принес ему кофточку любимой актрисы. А тому, в свою очередь, набор коллекционных сыров презентовал князь Лихтенштейнский, когда клиент находился у него в замке с официальным визитом. Каких только чудес не увидишь с этими делами: вроде бы солидный человек с дипломатическим паспортом, работает на хорошей должности в Министерстве иностранных дел, обременен целой сворой наследников, – однако способен выстаивать у служебного входа театра по несколько часов кряду только лишь для того, чтобы хотя бы издали и всего лишь на какую-то минуту увидеть предмет своего обожания. Так что коллекционные сыры были своеобраз-

ной платой за молчание, но Тимофей и не думал распускать язык – чего же лишаться столь солидного клиента!

А приятели, не зная истинной цены выставленных сыров, мазали их толстым слоем на грубо нарезанные куски батона, небрежно кромсали ножами и вилками, и деликатесы со спринтерской скоростью исчезали в их бездонных желудках. Оставалось только порадоваться их здорovому аппетиту. На что они обратили внимание, так это на резную шкатулку ручной работы, в которой лежали сыры. Откуда им было знать, что стоимость только одной головки швейцарского сыра, завернутой в тончайшую хрустящую пергаментную бумагу, в несколько раз дороже самой шкатулки.

Глядя, с какой быстротой улечиваются марочные сыры, Тимофей едва удержался от напоминания об их дороговизне. Пусть жируют!

– У меня к вам есть дело, – наконец произнес он.

– Что за дело-то? – спросил Алексей, ковырнув ножом толстый кусок сыра.

Ему по вкусу пришелся мягкий сыр, напоминающий по внешнему виду сливочное масло и легко размазывающийся по шершавой поверхности батона. Благоухал сыр отменно; в нем чувствовались ароматы предгорий: альпийские луга, горные цветы...

– На каждого придется по две тысячи долларов, – объявил Тимофей. – Если сделаем хорошо.

– Ого! – довольно протянул Алексей, обратив на приятеля заинтересованный взор.

Бутерброд вдруг выскользнул из его пальцев и упал на пол, перепачкав выставленное колено.

– Едрит твою! – грозно выругался Алексей.

Подняв бутерброд, он, не колеблясь, швырнул его в мусорную корзину. Крякнув, взял со стола салфетку и с гримасой отвращения принялся бережно отирать измазанные брюки.

Тимофей невольно усмехнулся: хорошо, что по соседству не оказалось швейцарских крестьян, иначе, не выдержав подобного издевательства над своим национальным продуктом, они просто подняли бы его на вилы.

– Но мне понадобится ваша помощь.

– И в чем будет заключаться наша помощь? – спросил Алексей. – Нужно постоять на шухере, пока ты будешь тырить из примерки чью-то ночнушку?

– Не угадал. В этот раз намного серьезнее. Мне нужна будет машина из службы поддержки телефонной связи. Кажется, у тебя на телефонном узле были какие-то знакомые? – посмотрел он на Алексея.

Вино уже было выпито, и в глазах Панкратова понемногу угасал задорный огонек. Через каких-то полчаса он окончательно угаснет и на тонких губах проявится желчное выражение. Неудивительно: Леша всегда был раздражителен, когда застолье заканчивалось. Его настроение было прямо пропорционально выставленному на столе спиртному.

– Есть такое дело. Одноклассник там мой работает. Если я у него попрошу машину, он не откажет. Тем более если мы ему немного заплатим. Только что за дело? Кто на этот раз клиент?

Тимофей допил вино, предварительно взболтав его. Оно показалось ему пресным, а может, это было оттого, что он собирался им сказать.

– Это Матвей Черный.

Алексей и Александр невольно переглянулись. На шутку не походило. Да и выглядела бы она очень уж неуместно. Подобное могло бы испортить аппетит любому. Таких людей, как Матвей Черный, называют артистами оригинального жанра. Лет сорок назад он был популярнее любого политического деятеля, и любой концерт без его участия выглядел тусклым. В те годы Матвея Черного называли королем эстрады. Едкий куплетист, неутомный, острый на язык, он во все времена обретал своих почитателей. Такое случается редко, но его поклонники

невероятно напоминали своего кумира: были столь же остроумны и энергичны. Не прошло ни одного концерта, чтобы они не пришли в зал без транспаранта. В общем, Матвей Черный был осколком прошлой эпохи, оскалом с невероятно острыми краями, о которые можно было порезаться.

В этот раз один из заказчиков (невысокий плотный мужичонка, каким-то мистическим образом походивший на Матвея Черного в молодости) пожелал заполучить кожаный портфель артиста, в котором тот обычно таскал свои записи. Изрядно потертый, посеревший от времени, портфель выглядел таким же старым, как и его обладатель. Поговаривали, что эту вещь Матвей купил на свой первый гонорар. По его потертости можно было предположить, что так оно и было в действительности. Именно с этим портфелем он был запечатлен на многих фотографиях, причем Матвей Черный всегда сжимал его так любовно и непременно обеими руками, что у всякого, кто лицезрел подобный снимок, невольно возникала мысль, что в кожаном нутре портфеля прячутся ассигнации, аккуратно сложенные в пухлые пачки. Действительность была куда более прозаической: на самом деле на дне портфеля, кроме записей, лежал его обед, завернутый в фольгу. Тем, кто видел его за употреблением домашних бутербродов, он говорил, что сидит на специальной диете, опасаясь за свой желудок. Действительность была совершенно иной: осколок минувшей эпохи был скуповат, а потому экономил на обеде.

– Матвей Черный – это круто! – высказал после затянувшейся паузы общее мнение Александр. – И что же нужно стянуть на этот раз?

– Его портфель.

– Ничего себе заказец! И кому же такое взбрело в голову?

– Есть один человек, – туманно произнес Тимофей. – Своего имени он не назвал, оставил только задаток в три тысяч баксов. Сказал, что как только мы принесем ему портфель, получим остальное.

– Говорят, Матвей Черный живет где-то за городом, у него свой дом. Наверняка – охрана. Как же мы к нему проникнем?

– Вот здесь и понадобится ваша помощь. Не забыли, я по военной специальности связист. Я вырубаю телефонную линию, а потом заявляюсь к нему в форменной одежде, говорю, что на линии неполадки. А как только он меня оставляет одного, я прячу его портфель в свой саквояж и спокойно ухожу.

– Портфель большой, – усомнился Александр. – Куда ты его уложишь?

– Саквояж у меня тоже будет немаленький. Я все просчитал! А потом его портфель можно сложить вдвое. Он хорошо складывается.

– Его дом охраняется? – спросил Алексей.

Глаза Панкратова вновь вспыхнули: кроме вина, парня всегда будоражило хорошее дело. Точнее, даже не дело, а риск, связанный с ним. Именно поэтому он оказался в «корпорации». Не подвернись ее, он непременно обрел бы пристанище среди громил, и надо полагать, что в их среде не затерялся бы.

Что отличало Тимофея Воропаева от прочих любителей пикантных трофеев, больше полагавшихся на экспромт и вдохновение, он всегда тщательно изучал клиента, его распорядок дня, наилучшее время для проникновения в его дом. По существу, их деятельность мало чем отличалась от работы квартирных воров, за исключением той малости, что ценности и деньги они никогда не брали.

Последние два дня Тимофей как раз занимался тем, что изучал распорядок Матвея Черного. В загородном доме жили трое: сам Матвей Черный, его жена и охранник, высокий светловолосый мужчина немногим более тридцати лет.

С хозяевами все было предельно ясно: до обеда они спали, как и положено старикам, затем долго обедали, наслаждаясь всевозможными разносолами, а когда заканчивали обед, то выползали на свежий воздух, чтобы растрясать калории. Про охранника можно было сказать

то, что в основном он находился в помещении и выходил крайне редко. А чем конкретно он занимался, сказать было трудно. И все-таки послеобеденное время было самым подходящим для проникновения в дом: старики, в надежде вырвать у судьбы хотя бы еще пяток лет, прогуливались по улице под руку и не возвращались до тех пор, пока не покрывались обильной испариной. Так что в запасе у него было полтора часа, чтобы забрать портфель и уйти.

– Мы подъедем в тот момент, когда в доме никого не будет.

– Что, совсем никого? – удивился Александр.

– Точнее, в доме будет всего лишь один мужчина. Непонятно, что он у них делает: не то охранник, не то «мальчик на посылках». Но они ему доверяют. Думаю, что проблем с изъятием не будет. Берем портфель и немедленно сваливаем. Потом отдаем портфель, получаем деньги у заказчика и делим их между собой. Что вы на это скажете?

Ответ Воропаев предвидел заранее, но уж очень хотелось полюбоваться на горящие глаза приятелей.

– Можешь не сомневаться, мы «за», – ответил за обоих Алексей. – Чего же отказываться от выгодного дела?

Глава 3

Деловое предложение

Леша Панкратов не подвел: служебная машина – небольшой белый мини-вэн с надписью «Связь» на боковой стороне – подкатила к дому Воропаева в точно назначенное время. На заднем сиденье лежали три комплекта спецодежды (за что Тимофей расплатился отдельно). Зашторив окна, переоделись в спецодежду (Тимофей с удивлением отметил, что она пришлась ему впору) и покатили к загородному поселку.

Остановились неподалеку от телефонной будки. Закинув на плечо моток телефонных проводов, Тимофей направился напрямиком к будке, на ходу перебирая ключи. Служба в войсках связи принесла определенные навыки: при желании он мог обесточить целый квартал, лишит телефонной связи целый район. Сейчас же его задача была куда более скромной: нужно было отключить телефонную линию, ведущую к дому Матвея Черного.

Тимофей посмотрел на часы. Маленькая стрелка преодолела полуденный рубеж. В это самое время престарелая пара с набитыми животами поднялась из-за стола, чтобы совершить свой традиционный променад. Еще через полчаса они скроются в березовой рощице и будут долго гулять там.

Вытащив подходящую отмычку, он открыл дверцу. Уверенно выдернул белый провод из пазов, прервав телефонную связь. Неторопливо, как сделал бы на его месте любой телефонный мастер, прикрыл дверцу и закрыл на замок. Затем столь же неторопливо, размеренной походкой человека, обремененного тягостной службой, направился к припаркованной машине.

Распахнув дверь, сел на пассажирское кресло рядом с водителем.

- Поехали! – распорядился Тимофей, сбрасывая с плеча моток кабеля.
- Мне пойти с тобой? – спросил Алексей, выруливая на проезжую часть.
- Не надо, – отмахнулся Тимофей. – Сам разберусь.

Чем хороша подобная работа, так это в первую очередь тем, что требует от исполнителя качественного перевоплощения. А для этого необходим определенный сценический талант. Еще какую-то неделю назад он представлялся крупным продюсером, чтобы завоевать расположение восходящей звезды, а сейчас должен выглядеть обыкновенным телефонным мастером. Но одного лишь умения располагать к себе клиента недостаточно, важно вжиться в образ, подключить интуицию.

Эх, хороша работенка!

– Езжай по этой улице, потом свернешь направо и остановишься у дома из красного кирпича.

- Понял, – с готовностью отозвался Алексей.

Тимофей посмотрел на часы. Престарелая чета наверняка уже вошла в березовую рощицу. Скорее всего, в это самое время они сидели на лавочке под небольшим навесом. Назад им идти около сорока минут, так что у него вполне хватит времени, чтобы осуществить намеченное.

По заверению заказчиков, старик оставлял свой портфель всегда около двери в прихожей. Только раз в неделю, а то и в месяц, он перемещался на кухню, чтобы быть набитым бутербродами с сырокопченой колбасой, а потом вновь возвращался на прежнее место.

Алексей крутанул руль и выехал на смежную улицу. Сначала показался белый высокий забор, за которым вполне мог находиться склад боеприпасов; столь же высокие ограждения любят крупные бизнесмены, желающие отгородиться от чрезмерного внимания. Впрочем, за таким забором мог жить и известный артист, ретиво преумножающий свое благосостояние с каждым новым поколением зрителей.

В какой-то момент Тимофей хотел захватить с собой для конспирации моток кабеля, но потом решил, что это будет перебор. Достаточно всего-то одного старенького саквояжа, из которого для убедительности будет выглядывать конец телефонного провода.

Вжикнула дверца мини-вэна, и Тимофей неторопливой походкой мастерового, обремененного унылой службой, подошел к воротам. У двери на уровне плеча чернела кнопка звонка. Взяв саквояж в левую руку, он надавил на нее. Старался выглядеть поестественнее: где-то на уровне его лица была вмонтирована видеокамера, и сейчас наблюдатель всматривался в его идеомоторные реакции. Тимофей расслабил лицевой нерв. Глянул на часы, стараясь показать некоторое нетерпение. Охранник, что наблюдал за ним в эту минуту, должен был отчетливо видеть его неудовольствие.

Не скрывая раздражения, Воропаев вновь потянулся к звонку и тотчас услышал над самой головой недовольный голос, усиленный мембранами:

– Вам кого?

– Мы из телефонной службы. На вашем участке порвался кабель. Мы устраняем неполадки. Проверьте, пожалуйста, у вас работает телефон?

– Обождите немного. – Еще через минуту снова раздался удивленный голос: – Действительно... Телефон не работает.

– Вот мы и должны отремонтировать. Нам нужно проверить связь с вашего аппарата.

– А дальше что?

– А затем мы свяжемся со своей АТС. Вы можете открыть?

– Хорошо, – после некоторого молчания отозвался голос.

Прозвучал короткий звуковой сигнал. Калитка слегка приоткрылась, приглашая визитера войти внутрь. Тимофей перешагнул порог и ступил на брусчатку, что широкой дорожкой вела напрямик на порог дома. На ступенях у дверей стоял высокий молодой человек лет тридцати пяти, весьма располагающей наружности, губы сложены в добродушную улыбку. Стрижка короткая, сквозь редкие светлые волосы проглядывал овальный череп. Напрягали лишь его глаза, взиравшие настороженно и цепко.

– А что это он вдруг порвался? – удивленно спросил он. – Что-то случилось?

– В этом районе идут ремонтные работы, экскаватор ковшом зацепил кабель, – с показным спокойствием ответил Тимофей. – Но сейчас уже все сделали, остался только ваш участок. Это буквально на несколько минут.

– Вечно у нас что-нибудь не так, – вздохнул охранник. – Сначала бы проверили, как следует, где кабели проложены, а потом бы уже копали. Ладно, давайте, проходите, – гостеприимно распахнул он дверь. – У нас несколько параллельных аппаратов, один в прихожей, другие в комнатах.

Внутри приятно шевельнулось. Не нужно ничего придумывать, расклад уже ясен.

– Хватит и телефона в прихожей, – кивнул Тимофей несколько поспешнее, чем следовало бы.

В какой-то момент Воропаеву показалось, что в глазах охранника вспыхнула настороженность, но уже в следующую секунду он доброжелательно улыбнулся и коротко произнес:

– Проверяйте.

Вошли в прихожую, больше напоминающую конференц-зал: под высоким потолком висела огромная люстра, свет от которой добирался до самых дальних углов. О том, что это прихожая, говорили разве что шкафы для одежды, да вот еще вешалка, сделанная из оленьих рогов, стоящая в самом углу прихожей: на ней висели три старомодные фетровые шляпы. Именно в таких шляпах артист оригинального жанра Матвей Черный выступал в начале своей карьеры, и по тому, в каком хорошем состоянии они находились, можно было понять, что относился он к ним весьма трепетно.

Был бы заказ на них, можно было бы прихватить и эти артефакты.

Рядом с вешалкой стояла небольшая тумбочка, покрытая салфеткой, на которой возвышался громоздкий телефон в стиле ретро (судя по всему, к старине здесь относились по-особому трогательно). И только вставки из красного и черного дерева свидетельствовали о том, что вещь эта дорогая и эксклюзивная, возможно, даже изготовленная на заказ.

У тумбочки, привалившись к ней, стоял заветный темно-коричневый портфель. На первый взгляд – обыкновенная вещь, причем основательно потертая, очевидно прослужившая своему хозяину без малого полвека. За те гонорары, что получал Матвей Черный, он мог каждый день покупать по сотне таких портфелей.

Поставив саквояж, Тимофей осмотрелся. Внутри дом выглядел куда более просторным, чем снаружи. Охранник, скрывшийся за соседней дверью, пошумел какими-то металлическими предметами и наверняка уже позабыл о его существовании. Тимофей поднял трубку телефона и осмотрелся. Вокруг ничего похожего на видеокamеры.

В этот самый момент Леша Панкратов должен был соединить оборванные концы кабеля и наладить связь. Ждать пришлось четыре минуты: наконец в телефонной трубке прозвучал длинный гудок.

– Валентина, – громко произнес Тимофей, так чтобы было слышно охраннику, находившемуся за соседней дверью. – Ты меня хорошо слышишь?.. Линия отлажена... Да, я сейчас отвечу... У хозяина дома. Да все в порядке.

Положив трубку, Воропаев быстро сложил вдвое кожаный портфель и сунул его в распахнутый саквояж. Вполне достойная плата за оказанную любезность. Теперь дело за малым, пусть ставят на квитанции свои подписи, никто не должен усомниться в том, что его появление в доме было неслучайным.

– Хозяин! – громко крикнул Тимофей. – Вы не могли бы расписаться на квитанции?

– Если хозяин нужен, так это не ко мне, – распахнул дверь охранник. – Хозяева сейчас прогуливаются, но думаю, что они не будут возражать, если я распишусь за них.

– Пожалуйста... Возьмите, – протянул Тимофей квитанцию, мысленно вздохнув.

Все произошло гораздо легче, чем он предполагал. Недавние страхи остались позади. Вот так частенько бывает, думаешь о чем-то, тщательно готовишься: планируешь, а действительность оказывается весьма банальной – сунул в сумку нужную вещь и двинул себе дальше.

Хотелось спрятать поглубже распиравшее душу ликование, что вылезало наружу в виде плутоватой улыбки.

Охранник похлопал себя по карманам.

– Куда же я ручку-то подевал? Кажется, на столе оставил, давайте пройдем.

– Я ведь в обуви, – мягко воспротивился Тимофей. Отходить от заветной двери очень не хотелось.

– Ничего страшного, – отмахнулся охранник, – как раз сегодня придет уборщица и все подотрет. Так что не стесняйтесь, проходите.

Неопределенно пожав плечами, Тимофей пошел за охранником.

В какой-то степени эту комнату можно было назвать служебным помещением: небольшое пространство, заставленное мониторами, что позволяли наблюдать за всем, что происходит в доме и вокруг.

На одном из мониторов Тимофей рассмотрел мини-вэн, стоявший у ворот особняка, а у машины, явно изнывая от безделья, топтался Саня Чистяков. Распечатав пачку сигарет, он двумя пальцами выудил одну и выжидательно посмотрел в сторону дома. Курил он редко, только в крайнем случае, когда нервничал. Сейчас как раз был тот самый случай: контрольное время понемногу выходило, и приятели не знали, что же им следует предпринимать. Инструкций по поводу своего возможного задержания Тимофей не давал.

На двух других экранах просматривалась задняя часть здания и двор. Охранник расположился перед четвертым монитором, стоявшим на столе, где было несколько листков бумаги, поверх которых лежала красная шариковая ручка.

– Та-ак, – поднял он ручку. – Взгляните-ка сюда. – Он слегка повернул монитор.

Тимофей с любопытством вытянул шею. То, что он увидел в следующую минуту, мгновенно смяло радужное настроение: на экране он увидел самого себя десятиминутной давности. Вот, воровато осмотревшись, он сложил портфель Матвея Черного пополам и, распахнув собственный саквояж, сунул в него желанную добычу. Затем щелкнул замками. Камера неожиданно поползла вперед, приближая его счастливое лицо.

– Так что вы на это скажете, молодой человек? – весело спросил охранник.

Горло Тимофея перехватил неприятный спазм. Вот так всегда и бывает, какую-то минуту назад действительность представлялась в радужных красках, цветных узорах, как в детском калейдоскопе, но оказывается, что это всего лишь оптический обман, и узоры составлены всего-то из осколков цветного битого стекла.

Гармония разрушена. И самое скверное, совершенно непонятно, что же произойдет в следующую минуту. А то, что ничего хорошего не будет, так это точно, об этом свидетельствовал направленный в грудь Тимофея ствол пистолета.

По тому, с каким видом охранник смотрел на Тимофея – холодно, с едкой усмешкой на тонких губах, – было понятно, что палить из пистолета для него дело обыкновенное. Человеческая плоть для него нарисованная картинка, как в тире. Он как будто бы выбирал на теле Тимофея подходящее местечко, чтобы угодить точно в «яблочко».

Тимофея охватила тихая паника, он вдруг почувствовал, что холодные глаза в совокупности с куском красивого вороного металла парализовали его волю, раздавили каждую клетку его тела. В дальнейшем, если ему все-таки удастся выбраться из этой передрыги, потребуется немало времени, чтобы обрести себя прежнего.

Рука Тимофея невольно потянулась к вороту, чтобы облегчить дыхание.

– Руки в стороны! – строго приказал охранник, приподнимая ствол пистолета. Вот и выбрано «яблочко» – самый центр лба, чуток повыше переносицы.

Тимофей медленно раздвинул руки, продолжая наблюдать за мушкой на стволе пистолета.

– Ты знаешь, что я сейчас могу убить тебя? – добродушно спросил охранник.

– Но зачем?

– Объясняю... Ты проник в дом, ограбил его владельца, – сделал небольшую паузу, добавил: – Потом стал угрожать оружием охраннику. Мне же ничего не оставалось, как защищаться.

– Пойдите, давайте договоримся...

– Даже не знаю, что с тобой и делать: сейчас пристрелить или, может быть, повременить пару минут, – всерьез задумался охранник.

Тимофей нервно сглотнул:

– Давайте с вами договоримся, нельзя же вот так запросто!

– Ответь мне, зачем тебе понадобился этот хлам?

Тимофей вдруг поймал себя на том, что продолжает сжимать в правой руке саквояж, сделавшийся вдруг неожиданно тяжелым.

– Как вам сказать... – Тимофей не мог подобрать нужных слов.

– В этом портфеле ничего нет, если, конечно, не считать пачки исписанной бумаги.

– Вы можете мне не поверить... но это такая работа.... если хотите, игра, – неуклюже начал Тимофей.

– Вот как? И в чем же она заключается? – заинтересованно спросил охранник.

– Дело в том, что некоторые люди заказывают нам раздобыть какие-нибудь вещи знаменитостей. И мы их доставаем... За это нам немного платят... Но больше ничего мы не берем. Ни денег, ни драгоценностей!

– Поставь саквояж, парень. – Тимофей повинился, поставив саквояж на пол. – Вот что я тебе хочу сказать: такие игры не доведут тебя до добра. За них можно и пулю схлопотать между глаз, причем за какие-то гроши. – Сунув пистолет в кобуру, охранник продолжил: – Или ты думаешь как-то иначе?

– Все это не со зла...

– Садись, – указал он на стул, стоявший напротив.

Тимофей повинился. Задержание принимало какой-то совсем неожиданный оборот.

– И сколько же ты должен получить за этот хлам?

– Шесть тысяч, – уныло сказал Тимофей.

– Надеюсь, что не рублей, – хмыкнул охранник.

– Долларов.

– Эти деньги вы делите на троих? – кивнул он в сторону окна, на машину, подле которой продолжал нервно покуривать Саня Чистяков.

– Да.

– И охота тебе за такие деньги подставлять башку? – брезгливо поморщился охранник. Видно, он знал, о чем говорил.

Тимофей лишь неопределенно пожал плечами: дескать, что поделаешь.

– Нам как-то везло. Не было до сих пор ничего такого.

– Пойми, чужак, – продолжал охранник (теперь его голос звучал вполне доброжелательно). – Рано или поздно это должно было закончиться. Всякому везению приходит конец. Твое счастье, что ты напоролся на меня, а не на какого-нибудь отмороженного дядьку. В этом случае для тебя все могло закончиться куда более печально. Лежал бы с биркой на ноге.

Тимофей невольно хмыкнул: в чем-то охранник был прав, ну не до старости же заниматься подобными вещами. Сколько же можно было искушать судьбу!

– Такое впечатление, что вы мне собираетесь что-то предложить.

– Вижу, парень, что у тебя есть деловая хватка. Хм, может, ты и прав... Для того чтобы тебе что-то предлагать, мы сначала должны с тобой познакомиться. Тебя как зовут-то?

– Тимофей.

– Ага, старинное русское имя. Сейчас такие в моде.

– Имя, скорее всего, греческое.

– Разве?... Ну да ладно, не в этом суть дела. А как тебя по отчеству величают?

– Петрович, – ответил Тимофей, после некоторой заминки.

– Подходящее имечко. А меня зовут Мещерский Гурий Афанасьевич. Ты где-то учишься, Тимофей Петрович?

– Зачем вам это нужно?

Мещерский усмехнулся:

– Чтобы составить более полное впечатление о человеке. И чтобы получше познакомиться. Должен же я все-таки знать, кому предлагаю интересную работу.

– Учусь... Заочно... На юридическом заочном. Третий курс.

– Наверное, мечтаешь стать каким-нибудь преуспевающим адвокатом, чтобы черпать ковшом деньги. А то и судьей. Там взятки очень даже неплохие. Зарплата тоже немаленькая. Государство судей никогда не обижало.

– Как получится, – тихо ответил Тимофей, – не люблю загадывать.

– А вот здесь ты прав, ведь каких-то полчаса назад ты должен был ехать на своем микроавтобусе, а тебе приходится вести разговор со мной. И еще непонятно, к чему он может привести.

Воропаев лишь пожал плечами. Похоже, ему попался философ. Впрочем, возможно, что это не самый скверный расклад.

– А жизнь вещь очень простая. Закончишь ты свой юридический и вместо адвокатуры определишься куда-нибудь в ментовку и будешь по улицам шастать и алкашей обирать. Ты вот думаешь, что я мечтал здесь когда-нибудь обосноваться и охранять какого-то пожилого хмыря? Так же, как и ты, по молодости все в генералы метил, а выше капитана так и не поднялся.

– Что вы от меня хотите? Или у вас нет собеседника для душещипательного разговора?

– Если ты будешь вести себя так и дальше, то считай, что твоя карьера закончилась. Погибче тебе следует быть, парень, тогда можешь многого добиться. Это тебе мой бесплатный совет. Так вот, Тимофей, я хочу предложить тебе непыльную работенку...

– Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я не собираюсь никого грабить, тем более убивать.

– Тимофей Петрович, выслушай меня до конца. Я принимаю тебя за того, кто ты есть на самом деле. За авантюрного парнишку, который ищет приключения на собственную задницу. Рискует по глупости из-за всякой мелочи и даже не думает о том, что охрана какой-нибудь зарвавшейся звезды может отдубасить тебя всего лишь за украденные грязные трусы. Советую тебе всегда думать о возможных последствиях. Тебе же я предлагаю не только интересную работу, но и вполне безбедное существование, тем более что ничего такого сложного делать не придется. Тебе интересно мое предложение?

– Хотелось бы выслушать его до конца.

– Деловой подход. Оказывается, не все еще потеряно... В неделю я буду платить тебе пятьсот баксов. За месяц получишь две тысячи баксов. Живи себе, как жил. Можешь потратить эти деньги на кабаки, выпивку, можешь истратить их на девок, меня это совершенно не интересует.

– За что же такая щедрость?

В голосе прозвучали нотки явной заинтересованности. Вот как быстро меняется ситуация. А ведь каких-то несколько минут назад охранник готов был пристрелить его, как грабителя. А сейчас он выступал в качестве работодателя, а Тимофей с интересом слушал его и, кажется, склонялся к тому, чтобы принять его предложение.

Чудно устроена жизнь!

– За твой паспорт.

– Не понял.

– Мы открываем фирму, ты в ней будешь генеральным директором, оформим все честь по чести. Ты будешь получать свои деньги, и все! Ну, разве сходить иной раз зарегистрировать на себя еще парочку фирм. Но пойми, за такую услугу это вполне хорошие деньги.

– А если фирма будет заниматься чем-то противозаконным?

– Что ты имеешь в виду? Распространением наркотиков, так, что ли?

– Ну-у...

– Уверяю тебя, что никаких наркотиков не будет. А все остальное в нашей стране в той или иной степени покупается и продается. В том числе оружие... если уж не официально, то полуофициально. – Широко улыбнувшись, он добавил: – Но оружие мы тоже не продаем. А потом, если что-то пойдет не так, как мы планируем, то ты всегда можешь сказать, что кто-то воспользовался твоими паспортными данными.

– За риск две тысячи маловато.

– Вот ты уже и торгуешься. Ладно... От каждой крупной сделки ты будешь получать свой процент.

Тимофей задумался всерьез. С одной стороны – каких только фирм не бывает, в том числе и записанных на подложные документы. Например, живет какая-нибудь восьмидесятипятилетняя старушка в умирающем поселке Сыроежкино где-нибудь на самом краю Рос-

сии и совершенно не подозревает о том, что по подложным документам она крупнейшая бизнес-вумен и на нее записаны пара металлургических заводов и дюжина фабрик. А тут делается вполне официальное предложение, похоже, действительно не очень опасное, и даже обговорена сумма (надо признать, весьма неплохая) за некоторые моральные неудобства.

– Мне надо подумать, – сдержанно ответил Тимофей.

Мещерский понимающе кивнул:

– Достойный ответ. Разумеется, не без этого. Но все-таки советую особенно долго не затягивать с ответом, потому что я могу потерять терпение и эту хорошую работу предложить кому-то другому. А чтобы тебе не было особенно скучно, то можешь от моего имени предложить подобную работу и своим приятелям. Условия те же! – Взяв со стола ручку, он написал несколько цифр на листке бумаге и протянул его Тимофею. – Вот, возьми. Это номер моего мобильного, позвонишь, когда надумаешь.

Воропаев молча взял бумагу. Сложил ее вчетверо, сунул в нагрудный карман. Получилось как-то бережно, словно он действительно всерьез собирался подумать над предложением этого Гурия.

– Ну, чего ты сидишь? – бодро спросил Мещерский. – Топай! Ты же ведь не арестован. – И, кивнув на окна, за которыми нервно прохаживался Чистяков, добавил: – Да и приятели тебя уже заждались.

Тимофей поднялся и направился к двери.

– Стой! – прозвучал в спину окрик.

Обернувшись, Тимофей натолкнулся взглядом на смеющееся лицо охранника.

– Саквояж-то свой возьми, как-никак рисковал. А потом чего тебя таких деньжищ-то лишать? Как-то не совсем по-приятельски будет. Не хочу омрачать наше будущее сотрудничество.

Вернувшись, Тимофей поднял саквояж и не прощаясь шагнул в прихожую, а оттуда, распахнув дверь, вышел во двор. Услышал, как поднялся из-за стола Мещерский и, тяжело ступая, направился следом за ним.

– Как зовут вашего заказчика?..

– Зачем это вам?

– Темнишь, парень. Тебя с ним что-то так связывает? Почему ты не хочешь назвать даже его имя?

– Его зовут Рамзиль.

От порога дома до калитки – не более тридцати шагов. Их можно преодолеть всего-то за полминуты, но неожиданным образом время растянулось, словно он вышагивал в безмерном пространстве, лишенном осей координат. Так бывает всегда, когда испытываешь стресс. Поговаривают, что в этом состоянии человек способен рассмотреть даже траекторию летящей пули и вовремя увернуться от нее. А находясь за рулем автомобиля, даже неопытный водитель в тысячную долю секунды из нескольких сотен возможных вариантов способен выбрать наиболее правильный.

Тимофей всего лишь делал второй шаг, но решение уже было принято: оставалось только узнать, как на него отреагируют приятели.

Время вернулось в свой обычный ритм, разделившись на двадцать шагов, что остались до калитки. Неожиданно вспомнилось, что петли у нее были несмазанные и она издавала неприятный скрежет. Тимофей несколько не сомневался в том, что в этот самый момент из окна первого этажа за ним наблюдает Мещерский. Оставалось только погорделивее выгнуть спину и добраться до калитки.

Не споткнувшись.

* * *

Слегка отодвинув занавеску, Гурий Афанасьевич с интересом наблюдал за Тимофеем. О человеке может многое поведать его походка, а уж когда он покидает негостеприимный дом, то диагностику можно провести очень точно.

Тимофей шел по двору. На первый взгляд обыкновенный ремонтник. Спина выпрямлена: ничего не свидетельствовало о том, что парень только что пережил.

Гурий Афанасьевич довольно хмыкнул, взял телефонную трубку, набрал номер.

– Абу Рахим... Это Мухаджир, брат, – заговорил он по-английски. – Можешь не волноваться, кажется, я отыскал подходящих людей... Да уверен, что это именно то, что нам нужно. Насильно здесь ничего не сделаешь, нужно найти свой подход. Я дал им номер своего мобильного телефона... Нет, не один, с ним еще пара человек. Это то, что нам нужно. Можно считать, что этот вопрос закрыт... Спрашиваешь, позвонит ли? Нисколько не сомневаюсь, что он согласится. Я сам такой же породы. Этим ребятам нужно поиграть в риск, вот мы им и предоставим такую возможность. Да, буду держать на контроле.

Положив трубку телефона, Мещерский подошел к окну. Тимофей подошел к приятелям и что-то им сказал, потом сел в автомобиль. Мещерский был уверен, что сейчас он обернется: так оно и случилось. Отошел от окна, устроился в мягком кресле и, скрестив руки на груди, улыбнулся.

Все складывалось именно так, как он и рассчитывал.

Потом он подошел к телефону и набрал номер.

– Рамзиль.

– Слушаю тебя, Мухаджир.

– Твои парни только что были у меня.

– И как они тебе?

– Это то, что нам нужно. Они мне подходят, работают с выдумкой; я прямо хохотал, когда они с телефонным кабелем орудовали, такой концерт для меня устроили.

– Ну вот видишь, я тебя не разочаровал, таких людей подогнал!

– Но этого мало, нам нужно еще хотя бы человека три.

– Не беспокойся, брат, отыщем.

– Хорошо. Жду. – Мещерский положил трубку.

* * *

Тимофей распахнул калитку, в этот раз ее скрип показался ему совсем невыносимым. Из салона мини-вэна вышел Алексей, и теперь они с Саней Чистяковым поджидали приближающегося Тимофея.

– Ты чего так долго? – нервно спросил Алексей.

Тимофей невольно усмехнулся. Странное дело, но после посещения этого дома он будто бы переродился, стал чувствовать острее. Настроение приятеля ему не нравилось.

– Так вышло, – коротко ответил Тимофей и, распахнув дверь, плюхнулся в кресло.

В какой-то момент Воропаев не выдержал и глянул через плечо на решетчатые ворота. В окне с правой стороны от крыльца откинулась занавеска, и Тимофей разглядел улыбающееся лицо Гурия Афанасьевича. Судя по всему, тому было весело.

– Ну, чего ты там копаешься! – уже не скрывая раздражения, крикнул Тимофей. – Езжай по-быстрому!

Наконец двигатель завелся, и мини-вэн выехал на проезжую часть.

– Что с тобой, Тимофей? Тебя прямо не узнать.

Воропаев промолчал.

– Ты, наконец, расскажешь, что там произошло?

Тимофей раскрыл саквояж, вытащил из него портфель и, просунув его в оконную щель, объявил:

– Я сейчас выкину его к чертовой матери!

– Постой! – отчаянно завопил Алексей, притормаживая. – Ты чего делаешь?! Сдурел, что ли?! Это ведь шесть тысяч баксов! Или теперь ты стал такой богатый, что можешь просто так разбрасываться такой капустой?!

Тимофей тяжело вздохнул: как ни крути, но Алексей был прав.

– Да расскажи ты, наконец, что там произошло.

– Хорошо. Давай поедem к тебе, там все и расскажу.

– Вот это другое дело, – повеселел Алексей. – А то выброшу, выброшу... Во дает!

Примерно через час подкатили к девятиэтажке в Чертанове, где жил Алексей. Полукругом вытянулся жилой массив с небольшим двориком, плотно заставленным автомобилями. Из живой природы – только крохотный палисадник, разбитый у одного из подъездов. Судя по всему, и этот клочок природы доживал свои последние дни. Пройдет всего-то пара недель, как кусок земли закатают в серый асфальт, и погребальным памятником живой природе поставят пару автомобилей, все это назовут «два стояночных места».

Но Алексеем, всю жизнь прожившим в дальнем Подмоскoвье, в деревянном доме, где один сортир был на четыре многодетные семьи, однокомнатная квартира в городе воспринималась как высочайшее благо цивилизации. Вид из окна он называл не иначе как панорама, хотя в действительности обзор упирался в глухую стену соседнего дома, отстоящего на пару десятков метров.

И все-таки в квартире у него было уютно (Алексей так обихаживал собственное жилье, словно рассчитывал прожить в нем до глубокой старости), и его приятели любили к нему захаживать.

Обстоятельно, стараясь не упустить даже малейшей детали, Тимофей пересказал все, что с ним случилось в доме Матвея Черного, и особенно содержание разговора с Гурием Афанасьевичем. Получилось несколько суховато; нервное напряжение, что держало его на протяжении последнего часа, неожиданно куда-то испарилось. В итоге в сухом остатке осталось весьма дельное предложение о сотрудничестве.

В глубине души царапалось предчувствие чего-то нехорошего, не поддающегося объяснению. Да и слов, чтобы выразить свои переживания, не находилось.

Откинувшись на спинку кресла, Тимофей заключил:

– Вот давайте и решим, что нам делать. Соглашаться или нет?

– А ты сам что думаешь? Неужели он нам даст такие деньги?

– Что я думаю... – Со дна души поднялась какая-то тяжелая муть. – Просто так деньги не дают, их нужно отрабатывать. За эти деньжищи они с нас потребуют что-то еще, о чем мы просто не догадываемся.

– Например? – спросил Саня Чистяков.

– Да хрен их знает, что им в голову придет! – энергично отрубил Тимофей. И, кажется, нашел точное определение тому, что у него творилось на душе. – Потом сделают так, что за нами все менты России будут гоняться, а сами в стороне окажутся.

– Думаешь, менты могут нас повязать?

– Повяжут! И попробуй отговориться, что ты не при делах.

– А вот не при делах! – неожиданно громко вмешался Леша Панкратов. – Мы же не собираемся сдавать свои паспорта, я так понимаю. Они будут при нас. А что там они будут делать с нашими паспортными данными, так это уже не нашего ума дело. Паспортные данные

могут всплыть где угодно. На любой почте требуется заполнить бланк паспортными данными, так что они к ним, чисто теоретически, могли попасть откуда угодно. А то, что они обратились именно к нам, так это просто дело случая. Не будь нас, так нашли бы каких-нибудь других. Мне кажется, что нужно просто благодарить судьбу, что нам будут платить такие деньги ни за что! Не знаю, как вы, но я думаю, что за это предложение нам нужно просто уцепиться обеими руками.

– А ты что думаешь? – Тимофей посмотрел на Саню, сидевшего в соседнем кресле, столь же удобном и мягком.

Смахнув с себя сократовскую задумчивость, Чистяков сказал:

– Леха прав! Для нас это серьезный шанс подняться, и отказываться от него было бы большой глупостью. Не знаю, как вы, но мне надоело постоянно зависеть от желания клиентуры и ждать, когда же наконец с неба на тебя свалится куча бабла. Да не будет этого, поверьте! А здесь же деньги будут самые реальные. Надо соглашаться.

Туман в душе стал понемногу оседать. Если что и осталось на дне, так только махонькие прозрачные кристаллики, которые все же царапали и очень мешали сосредоточиться.

– Хорошо. Я с вами, – помолчав, кивнул Тимофей. – Пусть будет так. В конце концов, у нас всегда имеется запасной вариант, мы можем свалить куда-нибудь, если что-нибудь пойдет не так. Россия большая!

– Ну, наконец-то, – расплылся в широкой улыбке Алексей. – Значит, ты с нами. Так чего же мы ждем? Давайте позвоним этому Мещерскому и скажем, что мы согласны, а то еще возьмет и раздумает.

– Хорошо, – согласился Тимофей, доставая из нагрудного кармана сложенный вчетверо клочок бумаги. Уж никак не думал, что придется вытаскивать его так скоро... И что вообще придется вытаскивать.

Каким-то неожиданным образом время опять растянулось. Теперь он мог как бы рассмотреть себя со стороны. Внутри вновь зашевелилось сомнение. Такое с ним бывает при рискованных ситуациях. Прошла всего-то секунда, а передумалось, как за месяц.

Он набрал номер.

– Слушаю, – раздался голос со спокойными узнаваемыми интонациями.

– Мы согласны, Гурий Афанасьевич.

– Уже? – прозвучал удивленный голос. – Я ждал вашего звонка только завтра.

– Это что-то меняет?

– Ровным счетом ничего. Но это даже лучше. Быстрее начнете, быстрее станете получать свои деньги. Сколько вас человек?

– Нас трое.

– Это то, что нужно. Давайте сделаем вот что... Подходите завтра к ресторану «Нарат». Знаете такой?

– Неподалеку от Киевского вокзала?

– Да. Давайте завтра в шесть. Подойдете к администратору и скажете, что вы к Гурию Афанасьевичу. А я его предупрежу и закажу для нашего разговора отдельный кабинет, так что поговорим без свидетелей. А еще в этом ресторане великолепная солянка! Так что заодно поужинаем и отметим начало нашего сотрудничества.

Глава 4

Загадочное убийство

Как это происходит в подобных случаях, недалеко от подъезда, держась плотной кучкой, стояли несколько соседей и негромко переговаривались. Их сдержанность была обманчивой, не будь ленточки, что предусмотрительно огораживала место преступления, так они, поддавшись любопытству, давно бы прошли дальше, затоптав все улики.

У ограждения стоял молоденький сержант, на пухлых румяных щеках пробивался беле- сый пушок. Но смотрел он строго и прямо, а ясные глаза от тяжеловатого начальственного взгляда не прятал. Вот даже подбородок приподнял, отчего стал казаться немного повыше.

С некоторой досадой Вадим Шевцов отметил, что на место преступления он прибыл не первым. В глубине подъезда топталась экспертно-криминалистическая группа, состоящая из техника-криминалиста, уже немолодого мужчины лет пятидесяти с громоздким фотоаппаратом в руках, и эксперта Игоря Шепилова – хмурого молодого парня с аккуратно подстриженными усиками и в дорогом темно-сером двубортном костюме. На оперативника он не был похож, те предпочитают вещи неброские и практичные в обиходе: джинсы и просторные куртки, в которых удобно прятать оружие и при этом не выделяться в толпе. А этот на выезд напяливал едва ли не все самое лучшее из своего гардероба, словно бы отправлялся на праздник. Такая его привычка вызывала лишь улыбку. Парень он был молодой, любил одеваться броско, так что никто бы даже не удивился, если бы он как-нибудь нацепил на шею красную концертную бабочку. Но как бы ни относиться к его чудачествам, свое дело Шепилов знал превосходно, в чем майор Шевцов имел возможность неоднократно убедиться лично во время совместной работы.

Работа эксперта – творческая, требующая специальных знаний в области криминалистики, так что парень Шепилов был образованный и умный.

Техник-криминалист, обвешанный фотоаппаратами и видеокамерами, был дядькой мрачноватого вида. Малоразговорчивый и крайне неулыбчивый, он напоминал человека «в себе», которого больше интересует мир покойников, нежели общество живых людей. Со стороны могло показаться, что в этом тандеме старший именно он, но в действительности техник-криминалист выполнял работу вспомогательную, практически черновую. Вот и сейчас, отсняв видеокамерой место преступления, он вплотную подошел к распластанному трупу и несколько раз сфотографировал его в разных ракурсах. Причем последний снимок был сделан с такого близкого расстояния, что Шевцову показалось, что он хочет запечатлеть на лбу покойника прощальный поцелуй.

Немного в стороне стоял Николай Кузнецов, следователь по особо важным делам (это уже прокуратура), с которым Вадим несколько раз пересекался в совместной работе. Выглядел следователь на редкость простовато: продолговатый почти лысый череп окаймляла опушка черных волос; на темно-серых невыразительных глазах тонкие очки в металлической оправе. Держался прокурорский особняком, как и положено надзирающему сословию: у них собственные задачи, и оперативникам вникать в них не положено. Заметив подошедшего майора Шевцова, Кузнецов слегка кивнул, на губах даже мелькнуло нечто похожее на улыбку. Вадим отозвался столь же сдержанно. Совершенно не нужно изображать радость, не тот случай, да и вообще...

Уже по тому, что Кузнецов заявился на место преступления и притом прибыл значительно раньше оперативного состава (что само по себе факт примечательный), следовало предположить, что убийству придавалось особое значение и наверняка оно было на контроле областной прокуратуры. Следовательно, нужно быть готовым к тому, что руководство не станет выбирать слов, когда примется снимать стружку. А ругать обязательно будет: и вовсе не

потому, что плохо работаешь или как-то слабо соображаешь, а просто так, для профилактики, чтобы показывал еще большее рвение в работе.

И никуда не денешься, придется соответствовать!

А что касается прокуратуры, так это вообще каста. Неприкасаемые. Во все времена милиция старалась держаться от них подальше. И Вадима несколько настораживало, что Кузнецов делал в его сторону знаки, дававшие повод к дальнейшему сближению. По личному опыту Вадим знал, что прокурорские работники ничего не делают просто так, следовательно, Кузнецову от него что-то нужно. Не исключено, что он хочет иметь своего человека в оперативном отделе. Так что к подобным жестам надо относиться весьма осмотрительно. Да и какая может быть дружба между волком и барашком? Проколись майор Шевцов хотя бы единожды, так Кузнецов сожрет его, не поморщившись, и даже не вспомнит о совместных застольях.

Кузнецов подошел к группе жильцов и о чем-то спросил их. Соседи отозвались дружно, будто бы только и ждали столь учтвого обхождения. Для них это всего лишь праздный разговор с любезным человеком, для прокурора Кузнецова снятие важнейшей первичной информации, в чем он был большой специалист. Не следует сомневаться в том, что он уже детальнейшим образом осмотрел место преступления, сделал какие-то свои заключения. Так что, как бы там ни было, а по этому делу им придется работать рука об руку.

Вадим прошел под красной лентой, огораживающей место преступления, и направился к убитому. Перед лестницей в небольшом темном закутке, где обычно любят обниматься влюбленные, лежало неподвижное тело. Причем верхняя половина туловища находилась в тени, куда скупо проникал свет лампы, висевшей под потолком лестничной площадки. Ноги же были освещены хорошо: правая нога вытянута во всю длину, а левая, согнутая в колене, была перепачкана сором, какой обычно встречается в каждом подъезде.

На первый взгляд вполне заурядная картина. Майору Шевцову не раз приходилось выезжать на подобные места. Рядом с телом валялся пистолет «Вальтер». Пулевое отверстие с правой стороны головы. На виске, перепачкав волосы, запеклась кровь. В углу лежал вместительный кейс, слегка приоткрытый, из которого выглядывал рукав белой рубашки.

– И что ты на это скажешь? – раздался за спиной негромкий голос.

Задумавшись, майор даже не услышал, как подошел Кузнецов. Повернувшись, глянул в его настороженные глаза и высказал точившую его мысль:

– На первый взгляд обычное самоубийство, достаточно на ладонь посмотреть, – кивнул он в сторону скрюченных пальцев. – Но тут же возникает вопрос: почему же он не застрелился у себя дома? Ведь известно, самоубийцы предпочитают одиночество, чтобы им никто не мешал свести счеты с жизнью. Заперся бы где-нибудь в туалете, чтобы последующей уборкой не досаждал домашним, да и пустил бы себе пулю в лоб. Или на миру и смерть красна?.. Прямо скажу, неподходящее он выбрал место.

Кузнецов удовлетворенно кивнул:

– Мне тоже так показалось. А потом, обрати внимание на кейс, в нем одежда! Если он собрался пустить себе пулю в лоб, так зачем же ему брать с собой чистые рубашки и бритвенные принадлежности? Я предполагаю, что он хотел удрать куда-то в спешном порядке, во всяком случае, на ближайшее время. Да вот беда, наткнулся на человека, с кем меньше всего хотел бы встретиться в этой жизни... И в результате такой печальный итог!

– Похоже на то, – согласился Шевцов. – Даже побрился неровно, торопился! А на правой скуле так вообще щетина торчит.

– Согласен, мог бы не бриться, возможно, что это промедление стоило ему жизни... К тому же пулевое отверстие у него с правой стороны, а ведь покойник был левшой, я уже узнавал. Вот так-то! А что экспертиза может сказать? – обратился прокурор к Шепилову, который терпеливо и тщательно складывал в пластиковый пакетик какой-то мелкий сор, среди которого были окурки сигарет, обломки спичек, куски тканей. На первый взгляд всего-то обыкновен-

ный мусор, не стоящий внимания, но сколько раз Шевцов убеждался в том, что именно эти косвенные улики играют в раскрытии преступления первейшую роль.

Губы Игоря Шепилова плотно сжались, что должно было означать высшую степень сосредоточенности.

– Слишком далеко от трупа лежит пистолет. Я бы так сказал... У каждого свой личный опыт, но насколько я могу судить, пистолет должен был бы находиться несколько ближе к нему. А тут такое впечатление, что он пальнул себе в висок, да и отбросил ствол в сторону. Так не бывает... И еще: вокруг отверстия от пули, кроме крови, разумеется, ничего нет: ни пороховой гари, ни частичек пороха. Следовательно, выстрел произведен со значительного расстояния.

– С какого, например? – спросил прокурор.

– Более точно я могу сказать после того, как тщательно осмотрю труп, но если приблизительно, то расстояние было не менее метра. Согласитесь, глупо было бы полагать, что стрелявший держал пистолет от головы на такой дистанции.

Кузнецов сдержанно согласился, едва кивнув, а Шевцов добавил:

– Экспертиза полностью подтверждает наши предварительные выводы. Убийца почему-то нам хочет внушить, что произошло самоубийство, но в действительности дело выглядело следующим образом: Ефима Егорова кто-то или что-то очень сильно напугало. Возможно, ему позвонили по телефону, он в спешке собрался удирать, рассчитывая надежно скрыться, но в это время в подъезде его уже поджидал убийца, который попытался симитировать самоубийство.

– Мы побывали в квартире покойного, – сказал Кузнецов. – Он не особенно утруждал себя порядком, но даже и так видно, что он очень торопился. Имеется еще кое-что: на простынях свежие следы спермы. Буквально незадолго до своего ухода он был с женщиной.

– Хм, вот оно что. Пойду погляжу, что там еще есть, – заторопился Вадим и, кивнув на прощание, пошел вверх по лестнице.

– Майор, – остановил Шевцова прокурор.

А вот это что-то новенькое. Вадим остановился и в ожидании посмотрел на Кузнецова.

– Ты удивлен, почему я здесь?

– Не особенно, у нас ведь такая работа, – серьезно ответил Вадим.

– Хочу тебя предупредить, это, разумеется, между нами.

– Конечно.

– Не знаю почему, но этим делом заинтересовалась ФСБ, отдел по борьбе с терроризмом.

– Вот даже как? – не скрыл удивления Вадим. – Совсем как-то неожиданно.

– Меня это тоже порядком озадачило. Казалось бы, с чего это? На первый взгляд обыкновенное убийство. Убит студент, которому и двадцати пяти нет. Не какой-нибудь там олигарх. Так что сам понимаешь, здесь двойная ответственность. У меня спросили, кого бы я мог порекомендовать им для совместной работы; так вот я рекомендовал тебя, так сказать, по старой дружбе. Не возражаешь?

Шевцов улыбнулся:

– Обычно прокурорам не возражают.

– Ну, вот иладили. У тебя ведь сейчас есть в работе похожие дела?

– Да. Три похожих случая.

– Так что попробуй выжать из этого дела максимум. Ладно, иди, работы у тебя много, а меня начальство ждет.

Кивнув на прощание, Кузнецов ушел. Вадим, оставшись один, почувствовал некоторое облегчение.

Перед дверью квартиры, в которой проживал убитый, стоял сержант милиции. Ретиво распахнув перед старшим оперуполномоченным дверь, он вновь занял прежнее место.

Перешагнув порог, Шевцов оказался в небольшой комнате. Обыкновенная холостяцкая конура, где можно укрыться от тягот окружающего мира. Если покопаться в шкафу, то можно было бы отыскать пару женских вещичек, оставшихся от девушек, что находили в этой квартире недолгое пристанище.

Вот так оно и бывает: каких-то несколько часов подряд он был нужен очень многим, возможно, что был даже любим женщинами, а сейчас бездыханный лежит на кафельном полу в подъезде. Вряд ли те же самые женщины вспомнят о нем через год. Обзаведутся новыми любовниками, а прежние чувства безжалостно затрут свежие впечатления. Оно и понятно: живые думают о живых, и обвинять их в этом не стоит. А сейчас в комнате витал аромат каких-то дорогих духов, вот, собственно, и все, что осталось от беспечной жизни. Через какой-то час исчезнет и этот запах, а вместе с ним затрут воспоминания о Ефиме Викторовичем Егорове.

В какой-то момент запах женских духов показался Шевцову невыносимым. Он подошел к окну и распахнул створку, в комнату ворвалась свежесть.

Немного полегчало.

И тут на подоконнике, за занавеской, он увидел любительскую фотографию совсем молодой девушки в красивой декоративной деревянной рамочке. Подняв фотографию, он глянул на обратную сторону, там было написано: «Дорогому Ефимушке от Клары». Шевцов с интересом стал рассматривать снимок. О таких девушках обычно говорят – блондинка. Но по одному ее взгляду было понятно, что она была из того «сословия», ради которого можно было пожертвовать многим, включая личное благополучие. Чего только стоили широко распахнутые темно-карие глаза в сочетании со светлым цветом волос!

Эта была единственная женская фотография в холостяцкой квартире. Надо полагать, что через эти квадратные метры прошло немало девушек, однако это не заставило Ефима швырнуть именно эту фотографию в мусорную корзину.

Подоконник был покрыт тонким слоем пыли, и только на небольшом кусочке, там, где стояла фотография, осталась короткая светло-серая полоска, свободная от налета пыли.

Надо узнать, что это за девушка. Не исключено, что после навалившихся неприятностей Егоров намеревался направиться именно к ней. Так бывает. Мечешься порой, ищешь чего-то особенного, а потом вдруг начинаешь осознавать, что путь, по которому столь долго шел, ведет в никуда. И нужно набраться мужества, чтобы пуститься в обратную дорогу. На перепутье даже на самого бесчувственного человека нисходит откровение, и он принимает решение, от которого круто меняется жизнь. Возможно, нечто подобное произошло и с Ефимом несколько часов назад, когда он взял в руки портрет некогда любимой девушки. Последнее время портрет стоял в одиночестве, почти забытый, покрываясь слоем пыли, и вот, сдунув со стекла серый налет, Ефим Егоров незадолго до своей смерти, взяв в руки портрет, принимал какое-то важное для себя решение.

Вадим интуитивно почувствовал, что истина находится где-то поблизости. Он подошел к телефону и нажал на кнопку воспроизведения последнего номера. Еще через секунду раздался встревоженный женский голос:

– Ефим, это ты? Почему ты не отвечаешь, я тебе звонила...

Душу покорило, как если бы кто-то прошелся по ней грубой наждачной бумагой. Шевцов невольно поежился: не самое подходящее время, чтобы говорить правду.

– Это Клара? – спросил Шевцов наудачу.

– Да, это я, – прозвучал в ответ взволнованный и одновременно удивленный голос. – Это не Ефим?

– Нет.

– А с кем я говорю? – Ее беспокойство усиливалось.

– Это майор Шевцов из уголовного розыска...

– А в чем дело?

– Вы были знакомы с гражданином Ефимом Викторовичем Егоровым?

Шевцов ненавидел себя за казенные интонации, но они прорывались в его голосе всякий раз, когда он сообщал трагическую новость.

– Что значит была? Неужели...

Вадим ожидал невольного вскрика, повышенного тона, готов был к тому, что Клара попросит его вновь задать вопрос, но никак не был готов к подобному тихому возгласу.

Шевцов зажмурился до боли в глазах. Ну не следует быть таким чувствительным! Беречь себя нужно, а иначе надолго не хватит.

– Дело в том, что Ефим Егоров был застрелен в подъезде собственного дома около трех часов назад.

– Боже мой, – услышал он сдавленный женский голос, – ведь он же собирался приехать ко мне.

Вадим невольно представил, как темно-карие девичьи глаза наполняются страданием, веки разбухают от слез, а тонкие губы, перекосившись, отнимают у девушки значительную долю очарования.

Смятение продолжалось всего-то несколько секунд. Ему на смену пришел профессионализм, выкованный в десятках, а то и сотнях подобных диалогов. Вадим понимал, что сейчас наступил самый подходящий момент для откровенной беседы. В горе люди испытывают острую необходимость выговориться, поделиться. Позже, когда произойдет осмысление случившегося и когда мысли примут прежнюю упорядоченность, а душевная рана затянется, они уже начнут выбирать, о чем следует рассказать, а что оставить при себе.

Никакого цинизма, просто голый профессионализм. Должен же он отыскать этого треклятого убийцу!

– Знаете что, мне с вами нужно переговорить.

– Когда бы вы хотели сделать это?

– Немедленно. Есть надежда, что мы сумеем раскрыть преступление по горячим следам. Я очень надеюсь на ваше понимание и помощь. От нашего разговора будет зависеть, как долго преступнику гулять на свободе.

Секундная пауза, показавшаяся майору Шевцову невероятно длинной.

– Ну, хорошо... Приходите. Если дело обстоит именно таким образом. Вы знаете, где я живу?

– Уточните, пожалуйста, адрес.

– Улица Мытная, семнадцать, квартира двадцать семь.

– Понял. Я скоро подъеду. Никуда не уезжайте.

Уже через полчаса Шевцов был по указанному адресу.

Первое, что мимоходом отметил он про себя, когда дверь распахнулась после короткого звонка и на пороге предстала Клара: на фотографии девушка была немного моложе, смотрелась более наивной, что ли. Значительную часть очарования отнимали покрасневшие от слез глаза. В какой-то момент где-то в глубине ее зрачки вспыхнули надеждой: может, все-таки произошла ошибка и убит кто-то другой!

Шевцов смотрел на нее сочувственно, отнимая последнюю надежду.

– Извините, – подобрал наконец Шевцов подходящее слово. – Я звонил вам...

Девушка некоторое время стояла у порога, словно дожидаясь продолжения, после чего отступила в сторону.

– Входите.

Вадим прошел в комнату. Видно, так и должна выглядеть девичья светлица. Аккуратная. Прибранная. Каждая вещь на своем месте. О каком-то достатке говорить не следовало, типичный набор, украшающий гостиную: небольшой раскладной диван, на котором аккуратно были

расставлены мягкие игрушки (очевидно, подарки поклонников), два мягких кресла, покрытые какой-то тканью ручной работы. Сразу видно, что вещь дорогая и труда в нее было вложено немало. Для усиления ощущения не хватало еще прялки с мотком ниток.

Вадим сел на указанное ему место. Девушка устроилась напротив, спрятав под стул ноги. В какой-то момент ему показалось, что Клара разрыдается; но нет, закусив губу, она уверенно и даже как-то с некоторым вызовом посмотрела на Вадима.

Следовало начинать разговор. Первый вопрос должен быть по возможности нейтральным, чтобы вызвать в собеседнике определенное доверие, иначе девушка может замкнуться, и тогда ее уже не разговорить.

– Как давно вы были знакомы с Ефимом? – нашелся Шевцов.

Взгляд у девушки слегка затуманился: невольно Вадим задел струну, приносящую страдание. Что поделаешь, без этого нельзя.

– Три года уже...

– Это много.

– Да... Но наши отношения не были безоблачными. Первое время, когда мы только познакомились, то просто не могли обойтись друг без друга. Не было даже дня, чтобы мы не увиделись. А потом вдруг поссорились из-за какой-то ерунды, как это часто случается между молодыми людьми. Возникло взаимное охлаждение, и мы расстались. У него была какая-то своя жизнь, у меня своя... Некоторое время я о нем вообще ничего не знала, а потом мы случайно встретились на улице и поняли, что не можем друг без друга.

– А вы были в курсе его дел?

В глазах девушки мелькнула настороженность (или ему все-таки показалось?).

– Что вы имеете в виду?

– Вы знали, чем он занимался в последнее время?

– Мне известно, что он был генеральным директором одной крупной компании. Очень прилично зарабатывал. Знаю, что у него все обстояло благополучно. – Голос прозвучал несколько громче, в какой-то момент Вадиму показалось, что девушка позабыла о произошедшей трагедии. Но уже в следующую секунду ее глаза наполнились слезами, и она, закрыв лицо ладонями, зарыдала. – Боже мой! Ведь я же предчувствовала, что все может закончиться именно таким образом!

– Что вы знаете, расскажите, пожалуйста, – и, переламывая колебание, плеснувшееся в глазах девушки, добавил: – Это очень важно, ваши показания помогут нам отыскать преступника.

Через приоткрытую дверь гостиной виднелась еще одна комната, столь же удобная. По всей видимости, это была спальная: на спинке стула висела отглаженная мужская рубашка. Хозяина ей уже не дожидаться.

– Хорошо, – решительно произнесла Клара, оторвав лицо от ладоней. – Я расскажу вам все. Все началось около года назад, когда Ефим учился на четвертом курсе...

– А где он, простите, учился?

– В автодорожном институте.

– Понятно, – негромко сказал Шевцов. – Продолжайте.

– Впереди у него был диплом, он тогда хотел заняться собственным делом. Он ведь не москвич, был прописан в общежитии и хорошо знал, что такое жить впроголодь.

– А откуда он приехал?

– Из Челябинска... Всегда считал, что достоин лучшей участи. Ведь он был не хуже и не глупее своих однокурсников. Они подъезжают к институту на дорогих машинах, а у него зачастую нет денег даже на метро. Конечно, он где-то зарабатывал, случалось, что и много, ведь он неплохо разбирался в компьютерах. Но что такое Москва для молодого человека? Это в первую очередь куча всяких соблазнов. Так ведь?

– Разумеется, – поспешил согласиться Шевцов.

– Хочется куда-то сходить, отдохнуть, потанцевать. Он все время меня хотел удивить, он ведь никогда не был жадным. А тут как-то выходит из общежития, и к нему подошел молодой мужчина, представился управляющим холдинга и сказал, что ему для одного из филиалов нужен именно такой человек, как Ефим. Чтобы он был представительный, высокий, с видной и располагающей внешностью. Фима тогда спросил у него, что нужно будет делать. Тот человек ответил, что, собственно, ничего! Что ему от него нужны только представительские услуги. Оставил свою визитку и сказал, чтобы Фима пришел к нему по указанному адресу с паспортом.

– И он пришел?

Девушка вздохнула:

– Пришел. Уже на следующий день он числился руководителем фирмы.

– Числился или действительно работал директором?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Нет, он только числился, но до дел фирмы его так и не допустили.

– А чем занималась его фирма, он вам не рассказывал?

Вадиму показалось, что в какой-то момент в ее глазах мелькнул страх, но уже в следующее мгновение его взгляд встретили потухшие глаза сломленного горем человека.

– Только мельком... Но я особенно у него не расспрашивала. Правда, он говорил о том, что его сильно обманули! Ему обещали, что он будет получать от каждой сделки до десяти процентов, но в действительности платили всего лишь по тысяче рублей. Этих денег едва хватало, чтобы немного приодеться и отослать кое-что родителям. Худо ли бедно, но ему все-таки платили.

– Понятно, – кивнул Вадим. – А вы не заметили каких-нибудь перемен в его настроении за последнее время.

– Конечно, заметила. Эти перемены начались около месяца назад. Он мне как-то даже намекнул, что фирма занимается какими-то противозаконными делами, и твердо намеревался уйти оттуда. Сказал, что о своем уходе уже сообщил руководству. Собственно, именно тогда у него и начались неприятности. Говорил даже, что за ним кто-то следит, что побывали у него в квартире. А потом решил переехать ко мне. И вот так получилось...

Вадим поднялся. В глазах Клары промелькнуло нечто похожее на облегчение: оно и понятно, девушке хотелось побыть со своим горем наедине.

Попрощавшись, майор вышел на улицу. Сел в автомобиль. Отгородившись от многошумной действительности тонированными стеклами, Шевцов откинулся на спинку мягкого кресла. В одиночестве думалось хорошо.

За последние две недели произошло три похожих убийства. Некто всемогущий и вездесущий нанимает в качестве директоров подставных фирм иногородних студентов, не всегда искушенных в финансовых вопросах, пообещав им за автограф на липовых документах до десяти процентов от сделки. А когда налоговые органы добираются до руководителя фирмы, то его просто устраняют как нежелательного свидетеля.

Если неизвестные работодатели отважились на убийство, значит, за их деятельностью стоят очень серьезные аферы, к которым стоит поприспальнее присмотреться. Вадим припомнил, что на покойнике, обнаруженном на прошлой неделе, числилось около тридцати фирм-однодневок. Они закрывались тотчас, едва на них выходили налоговые органы. Парень был настолько активен, что лично регистрировал фирмы в налоговой инспекции, открывал расчетные счета, получал финансовые документы. Причем помещение офиса было в санатории для душевнобольных, в пристрое, где дворник обычно хранил всякую утварь – от черенков для лопат до скребков с ломками.

С задержанием студента опоздали всего лишь на несколько часов. В тот день, когда был выявлен подлинный адрес его проживания, он уже лежал в своей квартире с простреленным

черепом. Причем почерк этого убийства полностью повторял сегодняшний. Если сравнить оба убийства, то можно предположить, что самым неожиданным образом на генеральных директоров однодневных фирм вдруг накатила волна суицидов.

Что само по себе странно.

С какой это стати молодым людям расставаться с жизнью? Да еще в тот самый момент, когда неожиданным образом произошло то, к чему они так долго стремились: определенный достаток, возможность обедать в дорогих ресторанах, не заглядывая в кошелек, и приглашать в упакованную барахлом квартиру понравившуюся девушку.

Вскоре стало известно, что за каждой такой фирмой-однодневкой тянулся бесконечный шлейф финансовых афер, которых хватило бы на многие уголовные дела.

Взяв телефон, Вадим набрал номер:

– Клара? Вы уж извините, но это майор Шевцов опять вас беспокоит. У меня к вам еще один вопрос. Ефим не называл вам человека, с которым ему приходилось работать?

– Называл.

– Та-ак. – В горле запершило. – Вы не вспомните, как его зовут?

– Его зовут Мухаджир. Фамилию его я не знаю. Совершенно случайно мы встретились с ним в ресторане.

– Так вы его видели? – попытался Шевцов погасить накотившие эмоции.

– Да, видела. Он подсел за наш столик, поговорил с нами минут пять, а потом опять отошел к своим друзьям. Там их была целая компания. Кажется, они что-то там отмечали.

– Как он выглядел?

– Выше среднего роста. Очень крепкий, широкоплечий. Представительный такой.

– Он кавказец?

– Хотя имя у него восточное, но на кавказца он совершенно не походил, у него даже волосы были светлыми. Мне тогда тоже показалось очень странным такое несоответствие. И говорил он без всякого акцента. Почему у него такое имя – не знаю: может, кто-то из его предков был с Кавказа?

– Спасибо, вы нам очень помогли.

Шевцов в задумчивости отключил телефон. Убийство, случившееся месяц назад, тоже было связано с неким человеком по имени Мухаджир. В управлении по экономической безопасности имелась перехваченная запись телефонного разговора начальника таможенной службы Владивостока с Мухаджиром. Аналитики-филологи сделали свое заключение: речь у него правильная, грамотная, ни малейшего намека на акцент выходца с Кавказа, скорее всего, так мог говорить человек, родившийся где-нибудь на просторах Среднерусской равнины.

Вот только металлические трубы, что отправлялись этим самым Мухаджиром из Владивостока в Дамаск, в действительности оказались не чем иным, как партией новеньких «АКМ», весьма востребованных во многих точках планеты. Именно после задержания этого груза начальник таможенной службы был застрелен.

Получается, что Кузнецов прав: за этими убийствами стоят весьма серьезные люди. Возможно, даже какие-то силовые подразделения.

Глава 5

Путь джихада

Леха Панкратов предложил встретиться на Пушкинской площади в недавно открывшемся там итальянском ресторане. Тимофей оценил выбор приятеля и обещал подойти в назначенное время.

Когда у тебя появляется некоторое количество денег, так тут же меняются приоритеты, а вместе с ними и шкала ценностей. То, что еще вчера казалось пределом мечтаний, вдруг неожиданно кажется до смешного убогим, и ты понимаешь, что существуют куда более приятные места отдыха, чем старая пивная на углу собственного дома. Вдруг начинаешь осознавать ничтожность прежнего существования. С ужасом начинаешь думать о том, что протянул бы до глубокой старости и так бы и не узнал цену настоящей жизни. А, в сущности, она складывается из небольшого количества приятных вещей: достойный заработок, приятное окружение, вкусная еда, неплохая квартира. И как бонус ко всему перечисленному – красивая женщина и приятный досуг.

Все это могло промчаться мимо, и за всю жизнь он так бы никогда и не узнал вкус настоящего коньяка. А сейчас имеется возможность обсуждать место для деловой встречи, где главной доминантой является кухня и вышколенность обслуживающего персонала.

Было решено, что итальянская кухня подходит к сегодняшнему веселому настроению. А кроме того, в этот бар любят наведываться центровые девчонки, так что в этом ресторане на расстоянии вытянутой руки их куда больше, чем где-нибудь в битве за корону на звание очередной «Мисс». Поэтому имелась большая вероятность, что остаток вечера удастся провести с понравившейся девушкой.

Тимофей пришел точно в назначенное время. Алексей уже сидел за сервированным столиком и, заметив приятеля, приветливо махнул ему рукой. Сервировка была богатой: кроме традиционной лазаньи, еще куча всяческих салатиков, от салата с романтическим названием «Солнце Италии» до совсем чудного – «Бугор Венеры» (нарезанные мидии, выложенные горкой). В центре – дорогое итальянское вино пятилетней выдержки. Однако все эти разносолы никак не вязались с унылой физиономией Алексея, поглядывающего в окно на снующих прохожих. Отчего-то невольно возникало ощущение, что он невероятно завидует всем тем, кто сейчас идет мимо ресторана, даже бородатому бездомному, что копается в мусорной урне на противоположной стороне улицы.

Ресторан был наполовину пуст. Небольшая компания сидела в центре зала, видно, офисные работники, забежавшие перекусить; еще какие-то пары позанимали углы. Внимание привлекали разве что три девушки, разместившиеся за соседним столиком. Особенно хороша была мулатка с распущенными длинными волосами. Понравился ее взгляд, каким она посмотрела на вошедшего Воропаева. Едва улыбнувшись, она вновь повернулась к подругам и что-то энергично принялась рассказывать.

Тимофей подсел к приятелю с таким расчетом, чтобы видеть девушек, сидящих за соседним столиком. Совершенно неизвестно, как будет складываться день, а потому нужно держать запасной вариант.

– Ты чего такой кислый, как будто бы уксуса отведал?

Тимофей поймал взгляд мулатки, усмехнувшейся на его откровенный интерес. Похоже, что у девушки не было предубеждений против случайного знакомства с понравившимся молодым человеком. Тревоги приятеля его занимали мало, внимание переключилось на соседний столик, за которым шла оживленная беседа.

Интересно, что это за девушки? Очень похожи на студенток: заглянули в ресторан, чтобы выпить по чашечке кофе и немного поболтать.

– Да куда ты все пялишься? – выразил неудовольствие Алексей.

Это было странным. Прежде Тимофей никогда не видел его столь раздраженным. Обычно Леха предлагал подсесть к понравившимся девушкам, предварительно обговорив, какую из них он берет на себя.

Да какая же муха его укусила?!

– В чем дело, Леха!? Что-то я тебя не пойму.

– А тебе не кажется, что мы влипли в скверную историю? – понизив голос, произнес Алексей, глянув в угол, где сидели двое молодых людей и о чем-то спокойно, не обращая внимания на присутствующих, беседовали. Во взгляде Панкратова было столько откровенного страха, как будто эти двое представляли для него нешуточную опасность.

– О чем ты?

– А о том, что мы сделали большую ошибку, когда приняли предложение этого Мещерского. Сколько он нам обещал, ты помнишь?

– А как же! Десять процентов с каждой сделки.

– Вот именно! А сколько мы получаем? Копейки!

– Послушай, Леха, ты что, голодаешь, что ли? Ты никогда так богато не жил, как сейчас. У тебя ведь прежде даже мелочи на сигареты не хватало. – Взяв вилку, Тимофей подвинул к себе салат. – А сейчас ты мне назначаешь встречи в дорогом ресторане. И поляна шикарно накрыта! В том, что у Мещерского серьезная контора, я нисколько не сомневаюсь. Нужно немного обождать, и он возьмет нас в долю.

– Чего ждать-то?

– Зарекомендовать себя, что ли. Нужно сначала сделаться своим, а потом уже нам начнут давать серьезные дела и деньги уже большие пойдут.

Как-то незаметно салат был съеден. На очереди был другой – крабовый. Надо отдать должное выбору Лехи, кухня здесь была неплохая. Если бы не заунывный вид приятеля, то можно было бы сказать, что день удался. А тут еще за соседним столиком добавляли настроения смеющиеся девичьи глаза.

Прищурившись, Панкратов заговорил вновь:

– Большие деньги, говоришь? А ты можешь мне хотя бы приблизительно сказать, сколько же денег проходит через наши однодневные фирмы? Не знаю, как ты, но я их открываю и закрываю едва ли не каждый день!

Пожав плечами, Тимофей безмятежно ответил:

– Я тоже открываю фирмы едва ли не ежедневно, но сколько денег проходит, не знаю. Как-то не задавался подобным вопросом. Чего считать чужие деньги?

– А ты бы посчитал! Все-таки они и твои, ты – генеральный директор.

– И сколько же?

– А вот ты послушай... На прошлой неделе только через мою фирму прошло семьдесят пять миллионов рублей, на позапрошлой неделе шестьдесят четыре и на этой уже двадцать пять. А неделя ведь только началась. Можно только представить, какие деньги проходят по всем каналам, на которых мы сидим!

Внутри Тимофея похолодело. А ведь где-то Леха прав. Он, конечно, подозревал, что дело, в которое они впряглись, весьма стремное, но вот только никак не думал, что их однодневные фирмы станут таким насосом по перекачиванию неучтенной наличности.

Кто же он, этот Гурий Мещерский на самом деле?!

В какой-то момент Тимофей почувствовал, что на лбу выступила испарина. Хотелось, отложив вилку, просто вытереть ее рукавом, а с нею, возможно, стереть и все неприятные проблемы.

Во рту неприятно пересохло, надо бы глотнуть чего-нибудь. Взяв бутылку с минеральной водой, он налил в стакан до самых краев и выпил в три больших глотка.

– Откуда ты об этом знаешь?

– Я не хотел тебе говорить... Но неделю назад я встречался с Мещерским в кабаке. По делам... Возникли кое-какие проблемы...

– Что за проблемы?

Тимофей ковырнул крабовое мясо. Рука дрогнула – с конца вилки сорвался кусок, испачкав белую скатерть.

– Налоги.

– Ах, вот оно что... И чего там?

– Хотел спросить у него, что делать с налогами, а он так махнул рукой и сказал – забудь! Дескать, фирма завтра закрывается, так что же тогда деньги просто так выбрасывать. А потом вытащил из папки бумаги и показал, какие перечисления поступили на счета в последнее время.

– Зачем ему это было нужно? – удивился Тимофей.

– Сам не знаю, – пожал плечами Алексей. – Может, поддатый чуток был, расслабился.

Вот язык и развязался.

– А дальше что было?

– А чего дальше-то... Да ничего, взял свою папку и ушел. А вот только с того времени я стал очень плохо спать.

– Да кому мы нужны! – отмахнулся Тимофей, отложив вилку в сторону. Аппетит отчего-то пропал. – Это у тебя все нервы. Ведь мы ничего собой не представляем. Пешки!

– Кому мы нужны, говоришь? – понизил голос Алексей. – А вот хотя бы налоговой полиции! Только за одно то, что мы не платим налоги, нам грозит реальный срок. Как ты объяснишь то, что мы не заплатили? Забывчивостью, так, что ли? Или ты думаешь, Гурий вместо нас в тюрьму будет садиться? Так и жди! Им нужны такие бессловесные бараны, как мы, чтобы потом отправить их на убой!

– Ты преувеличиваешь, – нерешительно ответил Тимофей, чувствуя в глубине души правоту друга.

– А в последний раз знаешь что было?

– Ну, рассказывай...

– Я подписал документы, по которым...

Неожиданно Алексей замолчал, даже в полумраке кафе было видно, что его лицо побледнело, взгляд был устремлен на входную дверь.

Тимофей невольно обернулся, посмотрел на вход. Дверь колыхнулась, будто бы потревоженная сквозняком.

– Ты чего?

– Я тебе не сказал... Ты можешь назвать это паранойей или еще как-нибудь, но за мной кто-то наблюдает!

– О чем ты говоришь? Это же просто бред!

– Несколько раз я видел одного и того же человека, он шел за мной. А сейчас появился здесь, в баре. Открыл дверь, как будто хотел удостовериться – действительно ли я никуда не ушел, и опять скрылся.

– Как он выглядел?

– Неприметный такой. Одет в темное... Немного постарше нас. Знаешь, у меня такое ощущение, что меня хотят убить. Если они не сделали этого раньше, так только потому, что я им был нужен, точнее, моя подпись на документах. А потом, знаешь, я пробил те адреса, по которым отсылались деньги.

– И что?

– Это тоже подставные фирмы, некоторые из них находятся в офшорных зонах, другие на Украине. Уточнил адрес одной из них; оказалось, что она зарегистрирована на территории

одной из воинских частей. Другой адрес – военный аэродром; третий – вообще женский туалет! Ну ничего конкретного! И так всюду! И вот я хочу тебя спросить, что делают эти фирмы-однодневки на военных объектах?

У Тимофея был подходящий ответ, вот только озвучивать его он не торопился. Не дождавшись ответа, Алексей произнес тихо:

– Вот я и думаю... А живы мы еще только потому, что им нужны наши подписи. Наверняка дожидаются какого-то крупного денежного транша. Но наступит день, когда они перекачают все деньги в офшоры, и мы им станем не нужны. Вот тогда они избавятся от нас, как от ненужного хлама. А заодно и как от свидетелей своих делишек. Тебе так не кажется?

Аппетит пропал окончательно. К горлу подступила тошнота. Не надо было делать вид, что ничего не происходит. Взяв вилку, Тимофей ковырнул ею очередной салат. Торжественно, на отдельном блюдечке, лежали три раскрытые раковины. Их содержимое подобало лопать сырым, но отчего-то расхотелось. Внешняя поверхность раковин была темно-зеленой, весьма невзрачной на вид, будто к ней пристали полоски темной тины, да и пахло от нее так, как если бы ее отыскали не на океаническом мелководье, а нашли в гнилом болоте, пропахшем лягушками и пиявками.

Тимофей никогда не предполагал, что итальянская кухня может быть столь омерзительной. Едва сдержавшись, чтобы не поморщиться, он сказал:

– И что же ты предлагаешь?

– Надо когти рвать отсюда, пока нас не грохнули!

– И куда? В неизвестность! Ты предлагаешь расстаться с заработком, которого у нас никогда не было... И вряд ли когда-нибудь еще будет.

– О чем ты говоришь! – громко сказал Алексей, обратив на себя внимание людей, сидящих за соседними столиками. – За этот заработок нам просто голову отвернут. Послушай, Тимофей, давай махнем вместе?

Тимофей нахмурился: подобного разговора он не предполагал. Он пришел в ресторан для того, чтобы расслабиться, и даже одобрил выбор Алексея (тот умел подбирать подходящие точки для общения, учитывая не только гастрономические пристрастия, но и количество девушек, что заглядывали в заведение). И в этот раз он рассчитывал на то же самое: на непринужденную веселую обстановку и совершенно не думал о том, что будет втянут в трудный бесперспективный диалог.

– И куда же ты предлагаешь махнуть?

– Туда, где не требуются визы. Возьмем билеты и слиняем отсюда! Даже не завтра, а сегодня! – горячо прошептал Алексей.

Тимофей отрицательно покачал головой, парня следовало опустить на землю.

– Так вдруг это не делается. Если ты хочешь уехать, то нужно хотя бы как-то подготовиться. А потом у нас ведь имеются определенные обязательства.

Алексей вдруг резко поднялся.

– Вижу, что ты так ничего и не понял. Ладно, я пойду. Приятного тебе ужина. Можешь не напрягаться, с официантом я уже рассчитался. Не забудь пригласить вот ту мулатку, кажется, она строит тебе глазки.

– О чем ты, Леша?

– Она не проститутка!

– Хм, ты в этом уверен?

– Абсолютно, на тех я насмотрелся... А у этой взгляд какой-то другой.

– Какой же?

– Не скажу. Что шальной, это точно, но какой-то другой. Есть над чем поломать голову, но это я предоставлю тебе. Ладно, не морщись и не строй из себя праведника, я пошел!

Кисловато улыбнувшись, Алексей ушел. Продолжать флирт отпало всякое желание, но уходить тоже не хотелось.

– Молодой человек, у вас есть зажигалка? – услышал Тимофей негромкий голос.

Повернувшись, он увидел рядом с собой приглянувшуюся мулатку. Сейчас, в полный рост, она показалась ему еще симпатичнее, а может, все дело было в полумраке, что скрывал ее лицо. Но как бы там ни было, фигура у нее была точеной, ноги слегка расставлены, словно призывали к более тесному контакту.

Грех отказываться от подобного знакомства, тем более если женщина первая проявляет инициативу.

Похлопав себя по карманам, он отыскал зажигалку и поднес трепещущий огонек к кончику сигареты, зажатой между двумя тонкими пальцами. Глядя на ее сложенные в трубочку губы, подумал о том, что эти губы способны на многое.

Неумело пыхнув дымком, девушка поблагодарила его сдержанным кивком. Воропаев понимал, что у него ровно секунда, чтобы пригласить девушку за свой столик, потом ситуация будет безнадежно упущена. Да и глупо будет подходить к ней, когда она вернется на прежнее место.

Пропадет кураж!

Будто бы догадываясь о раздумьях Тимофея, девушка ободряюще улыбнулась, показав ровный ряд белых зубов.

– Девушка, можно я вас угощу шампанским? – отважился Воропаев.

В какой-то момент Тимофей поймал себя на том, что очень расстроится, если девушка откажет.

Но этого не произошло. Посмотрев на подруг (Тимофею даже показалось, что в этом взгляде мелькнуло некоторое торжество), она коротко извинилась перед ними и, повернувшись к Тимофею, сказала:

– Хорошо.

Она присела на стул, в какой-то момент ее колено коснулось его бедра, и Воропаев почувствовал электрический разряд, пробежавший по всему телу. Приглашение девушек к столу не было для него чем-то необыкновенным, подобные вещи он проделывал неоднократно, зачастую извлекая из этого немалую пользу, ведь такие знакомства зачастую перерастали в более приватные отношения. Но сейчас он вдруг обнаружил, что испытывает сильное напряжение, даже говорить трудно.

– Как вы относитесь к французскому шампанскому?

Он понимал, что нет легкости, так необходимой в общении с женщинами, а правый угол рта предательски сместился, придавая лицу ненужную плутоватую асимметрию. Но ничего не мог поделать с собой. Каким-то странным образом эта женщина действовала на него, может, все дело в тонких духах или в чуть насмешливой всепонимающей улыбочке? А может, мулатка обладает неким тайным способом воздействия на мужчин?

– Положительно, – прозвучал ее короткий ответ.

Подошел официант. Предупредительно поклонился.

– Бутылку французского шампанского и ваше фирменное блюдо.

– Это стейк по-итальянски.

– Хорошо, пусть будет стейк.

– Немного подождите, пожалуйста.

За столом воцарилось неловкое молчание.

– Ваш друг ушел, а вы решили остаться? – спросила девушка.

Прежде он знал, как заполнять возникшую паузу, но теперь был очень благодарен девушке, сумевшей отыскать подходящие слова.

– У него вдруг появились неотложные дела, – улыбнувшись, сказал Тимофей.

– Ваш друг выглядел чем-то расстроенным. У него что-то случилось? – На ее лице выразилось сочувствие.

Разговор принимал неприятный оборот. Следовало как-то уйти от опасной темы.

– Ему только что сообщили, что умерла его собака, – нашелся Тимофей, глядя в ясные глаза девушки. Понемногу к нему возвращалась прежняя уверенность. – Этот пес прожил у него пятнадцать лет, по существу, он был членом их семьи.

– Я его понимаю. – Теперь лицо девушки приняло скорбное выражение, она уверенно принимала предложенную игру. – У нас в прошлом году умер кот, так мы тоже переживали всей семьей.

Подошел официант, торжественно поставил на стол бутылку шампанского, а затем тарелки с фирменным блюдом: кусок огромного мяса величиной с ладонь, на краешке тарелки лежала горсточка лапши, приправленная каким-то темно-зеленым соусом. Благоухало все это весьма аппетитно.

Умело открыв бутылку шампанского, официант разлил напиток в высокие фужеры.

– Что-то мы с вами разговариваем на печальную тему. Я предлагаю забыть об этом. Ведь жизнь по-прежнему хороша, и мы должны об этом помнить. Я предлагаю выпить за знакомство. Ведь мы уже сидим с вами несколько минут, а я даже не знаю, как вас зовут.

– Меня зовут Земфира, – негромко ответила девушка.

– Хм...

– Это вы о чем?

– Несколько странное имя. Прежде мне не приходилось встречать женщин с таким именем, но все равно очень красивое. Я так думаю – у красивых женщин всегда красивые имена. Меня зовут просто – Тимофей. А главное, легко запоминается. А вам никогда не говорили о том, что у вас очень экзотическая внешность для России?

– Постоянно слышу.

– Но такую девушку, как вы, это не может испортить.

– Спасибо за комплимент.

– У вас такое необычное имя, потому что ваш отец африканец?

– Вовсе нет, тут несколько другая история, – сдержанно отвечала девушка. – Но отец у меня действительно был африканец, он из Сомали. Учился в Бакинском мореходном училище, там мама с ним и познакомилась. Потом он уехал к себе. Так что я практически его совсем не помню.

Девушки за соседним столом поднялись.

– Земфира, нам нужно идти, – сказал одна из них, остроногая и очень худая. Сексуального аппетита она не вызвала, но пахло от нее столь же дурманяще. – Ты остаешься?

– Еще немного посижу. Я вам позвоню позже.

– Мы будем ждать, – сказала остроногая, лукаво посмотрев на Тимофея.

– У вас очаровательные подруги, – сказал Воропаев, когда девушки удалились.

– Да, очень хорошие. Я знаю их уже три года... с первого курса.

– Вот как! Вы так молодо выглядите, я было подумал, что вы старшекласница.

– Вы мне льстите, – улыбнулась Земфира, показав белоснежные зубы.

– Давайте выпьем за знакомство. Мне никогда прежде не приходилось встречать таких красивых девушек, да еще с таким необыкновенным и завораживающим именем.

Понемногу завязался обыкновенный разговор, какой обычно происходит между молодыми людьми, испытывающими взаимную симпатию. Рядовая, ничего не значащая на первый взгляд встреча могла перерасти в нечто большее, чем приятное времяпрепровождение на один вечер. Во всяком случае, Тимофей этого желал. Ему очень нравилась эта девушка. Надо подумать, как поступить дальше, когда шампанское будет выпито и все будет съедено. Единственное, что приходило в голову, так это отвезти ее в свое логово и склонить к грехопадению.

Сейчас в его душе боролись два человека: первый немедленно желал близости с девушкой, а второй хотел по возможности отдалить решающий шаг на некоторое время. Чего греха таить, Тимофею приходилось добиваться близости от девушек на первом же свидании, но кроме разочарования подобные эпизоды ничего не приносили. Как правило, Тимофей не прощал девушкам излишней покладистости. Посопротивлялись бы немного для начала, дали бы понять, что парень нравится, но для настоящей близости нужно больше узнать друг о друге, а уж после этого можно переходить на новый виток отношений. Добившись своего, он более с такими девушками не встречался.

Посмотрев по сторонам, Тимофей предложил:

– Здесь становится шумно. Может, поедем ко мне и продолжим наше знакомство более камерно, что ли... Ведь нам много нужно узнать друг о друге, – сказал он с чувством.

Ресторан действительно наполнился посетителями. За столиком, где еще недавно сидели сокурсницы Земфиры, теперь расположилось трое мужчин и одна миловидная девушка. Судя по всему, они намеревались отмечать какое-то событие.

Тимофей уже ругал себя за свои слова, но поступить по-другому не мог. Это был своеобразный тест, который он задавал Земфире, и их отношения будут зависеть от того, как она с ним справится.

В какой-то момент в глубине ее карих глаз вспыхнули озорные огоньки. Тимофей готов был поклясться, что сейчас она возьмет сумочку и примет его предложение. Он испытал и возбуждение, и разочарование одновременно. Жаль, что такая увлекательная встреча не перерастет в многообещающий роман и завершится уже на следующий день после страстного совокупления на продавленном и много повидавшем диване.

– Я еще не настолько хорошо вас знаю, чтобы принять такое предложение, – сказала девушка.

Тимофей едва сдержался, чтобы не показать охватившую его радость. Земфира его не разочаровала, справившись с тестом на «отлично». Теперь можно было сказать точно, что у их отношений радужные перспективы и имеются все основания надеяться, что это случайное знакомство перерастет в красивый роман.

– Возможно, что вы правы.

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Воропаев положил ладонь на тонкую ладошку девушки и очень обрадовался, когда она не предприняла попытки освободить свои пальцы от плена.

– Но у нас будет время, чтобы познакомиться поближе, – продолжил Тимофей. – Уверю вас, вы не будете разочарованы.

– Все мужчины такие самоуверенные. – Из ее сумочки негромко прозвучала трель: – Слушаю, – включила она телефон. – Да... Хорошо... Скоро буду. – Посмотрев на часы, она заторопилась: – Знаете, мне нужно спешить. Спасибо за угощение. Рада была с вами познакомиться, – поднялась она, подхватив сумочку.

– И это все? – подавляя охватившую панику, спросил Тимофей.

– А что вы еще хотите?

– Вы даже не оставили номер своего телефона.

Взяв салфетку, она аккуратным ровным почерком написала несколько цифр.

– Не потеряйте, – улыбнулась Земфира на прощание, протянув ему номер телефона. – А то мы с вами никогда больше не увидимся.

Аккуратно сложив салфетку вчетверо, Тимофей ответил, не в силах оторвать взгляда от темно-карих глаз:

– Если следующая встреча не состоится, то это будет самая большая неудача в моей жизни.

Девушка ответила милой улыбкой и, не прощаясь, зашагала к выходу. Походка у нее была раскованной и в то же время очень правильной; спина прямая, а посадка головы грациозна и слегка снисходительна. В ней было что-то от примы-балерины, вышедшей на поклон к зрителям. Ее красота отпугивала и одновременно манила. У всякого мужчины, завидевшего такую женщину, мгновенно просыпается инстинкт завоевателя. Такой женщиной хотелось обладать. И наверняка мужчины, что сейчас повернули головы в ее сторону, невольно завистливо думали: «Имеет же кто-то такую бабу!»

То, что находилось ниже спины, выглядело не менее занимательно, и Тимофей горящим взглядом разглядывал все ее выпуклости, столь же аппетитные, как фирменное блюдо итальянского ресторана.

– Давайте я вас провожу, хотя бы немного.

– Хорошо. Догоняйте.

Девушка вышла из зала.

Дверь за ней мягко закрылась. Хотелось верить, что сказка не закончилась. Витал легкий запах ее духов. Через какую-то минуту рассеется и он. Почему же такая несправедливость: все хорошее так быстро заканчивается.

Тимофей сделал для себя неожиданное открытие: в ресторане было многолюдно, да и музыка звучала чрезмерно громко. А ведь беседуя с Земфирой, он не замечал этого назойливого грохота, полностью сосредоточившись на интонациях ее голоса; вообще ничего не замечал вокруг.

На него обрушилась действительность: кричащая, развязная и какая-то унылая. Через столик сидела группа молодых людей и о чем-то громко разговаривала, стараясь перекрыть музыку. Речь их звучала агрессивно, вызывающе, но в действительности разговор был дружеский, просто у парней была такая манера общения. Разговаривать по-другому они просто не умели. Возможно, даже считали, что дешёвая распальцовка – это круто, но вряд ли когда-нибудь в их карманах было больше сотни долларов. Они напоминали некий ящерообразный реликт, канувший в Лету. «Деловые» уже не носят золотых цепей, они давно цивилизовались, а в карманах у них вместо кастетов лежат дорогие плоские телефоны, способные уладить любую проблему получше всякого оружия. Они доброжелательны и учтивы, с их ухоженных лиц не сходит благожелательная улыбка, а все потому, что они взобрались на самый верх и им есть что терять. Кулаками они тоже не машут. Для подобных целей существует целый штат охраны, который за пару сотен премиальных сломает ноги любому.

Именно такие люди сидели в самом углу зала: молодые ребята, немного за тридцать. По той учтивости, с какой застыл у их столика халдей, с готовностью распахнув блокнот, было понятно, что заведение посетили тузы. А официант мог рассчитывать на крупные чаевые. Оставалось только гадать: какая оказия занесла их в этот итальянский ресторан, далеко не самый лучший в округе. Возможно, что прежде это было их любимое место, а, как известно, привычкам изменяют редко. Когда-то здесь было обычное кафе, где любила решать острые вопросы уличная шпана. Не исключено, что парни делали свой капитал на рэкете. Если это было действительно так, то здесь присутствовал некоторый элемент ностальгии по тому времени, когда они были простыми пехотинцами и, намотав на кулак цепь, кровью отстаивали свое благополучие.

Побывать в этом ресторане – для них некоторая возможность окунуться в прошлое, в котором они были голодные, молодые, но невероятно счастливые.

Положив на стол деньги за ужин, Тимофей поднялся и вышел из ресторана.

* * *

Мухаджир избегал шумных мест (родись он тысячу лет назад, наверняка стал бы отшельником), а обедать предпочитал в маленьких ресторанах, где на целый зал приходится по парочке посетителей, и совсем не беда, что в подобных заведениях приходится платить втрое дороже. По тому пиетету, с каким к нему относились официанты, было понятно, что гость он здесь частый и не скупится на чаевые.

Не обращая внимания на сидевшего рядом Рамзиля, он с удовольствием уплетал кусок отлично приготовленной баранины.

– Я давно у тебя хотел спросить...

– Спрашивай, – живо отозвался Мухаджир, отрезав очередной смачный кусок.

– Как там Земфира?

Рамзиль учился с Земфирой на одном факультете, она была младше его на три года. Он влюбился в нее сразу, едва увидев. Два года они просто встречались, тайком ото всех, а потом решили пожениться. Но четыре месяца назад, сразу после окончания института, Рамзиль расстался с Земфирой по требованию Мухаджира. Тот сказал, что девушка ему нужна для большого дела, да и не годится мешать кровь моджахеда с кровью другой расы.

Возразить Мухаджиру Рамзиль не посмел, хотя позабыть Земфиру так и не смог. А ведь она ради своей любви к нему поменяла не только свое имя, но и веру.

Где-то Рамзиль чувствовал себя виноватым перед девушкой.

– Ах, вот ты о чем. С ней все в порядке, не беспокойся, я о ней позаботился. Жива, здорова, при деньгах, иногда мне кажется, что она тебя позабыла.

– Мне бы хотелось ее увидеть...

– Тебе это ни к чему. Ее нужно забыть. У тебя свой путь, у нее свой.

– Хотя бы издали? – настаивал Рамзиль.

– Нет, – отрезал Мухаджир.

– У меня еще один вопрос.

– Ну, задавай.

– А как ты ей объяснил, что нам надо расстаться?

На минуту прекратив жевать, Мухаджир внимательно посмотрел на Рамзиля, затем вновь уткнулся в тарелку:

– Просто пришел к ней и сказал, что ты стал мучеником за веру. Сказал, чтобы она не расспрашивала о подробностях. На том все и устроилось. И добавил, что она тоже должна быть готова к подобной миссии.

Рамзиль сглотнул горький комок:

– Она по-прежнему красивая?

– Да, такая же.

– Будет очень жаль.

– Что поделаешь, – пожал плечами Мухаджир, – кто-то должен пойти на это. А чем она лучше других?

– Я тут разговаривал с одним умным человеком, так вот он мне сказал, что настоящий джихад... Джихад по Мухаммеду трактует не входить с «многобожниками» в столкновение, а склонять их к истинной вере мудростью и хорошим увещанием.

– С умным человеком, говоришь, разговаривал, – неприязненно скривился Мухаджир, – а мы, стало быть, дураки, я так понимаю?

– Мухаджир, я хотел сказать...

– Я не силен в богословии, брат мой, – примирительно продолжал Мухаджир, – но могу тебе сказать одно, что это Мухаммед говорил про свой мекканский период, а в мединском периоде он заявил, что нужно нападать на неверных в любое время и повсюду.

– Знаешь, Мухаджир, в последнее время у меня появилось чувство, что я делаю не то, что нужно. У меня такое ощущение, что у меня совсем другая дорога. Тебя никогда не мучили сомнения? Как ты думаешь, мы правильно поступаем?

– Рамзиль, а не много ли вопросов за один вечер? А может, ты хочешь сказать, что тебе надоело убивать? Мне так тебя понимать? – Рамзиль подавленно молчал. – А ты не боишься, что наш разговор я передам братьям? Еще неизвестно, как они расценят его.

– Ты этого не сделаешь.

– Ты правильно меня просчитал, я этого не сделаю. Вот что хочу тебе сказать, Рамзиль, у меня нет времени, чтобы вести с тобой ничемные теологические беседы. – Он посмотрел на часы. – Я человек дела. Поехали! – Подняв с колен салфетку, он небрежно скомкал ее и бросил на стол.

– Куда? – удивился Рамзиль, он так и не притронулся к своей еде.

– Скоро узнаешь.

Через полчаса они подъехали к ресторану «Фиалка».

– И что мы здесь делаем? – недовольно спросил Рамзиль.

– Не торопись, брат мой, скоро узнаешь. – Мухаджир набрал номер на мобильном и спросил: – Они все еще там?.. Уже выходят? Хорошо. – Повернувшись к Рамзилю, он усмехнулся: – Ты хотел посмотреть, как там твоя Земфира. Тогда полюбуйся! – кивнул он в сторону распахнувшихся дверей.

На улицу, освещенную неоновыми огнями, шагнула высокая темнокожая девушка, в которой Рамзиль узнал Земфиру. На ее красивом живом лице не было даже следов печали. Рамзиль нахмурился: вот оно как получается, дня не прошло, чтобы он о ней не вспомнил, а она после расставания с ним стала не только краше, но еще и веселее.

Остановившись, Земфира в ожидании посмотрела на дверь, из которой вышел Тимофей.

– Узнаешь своего знакомого? – спросил Мухаджир. – Это ему ты заказал выкрасть портфель?

– Да, – хмуро протянул Рамзиль.

– Ты хотел посмотреть, как там твоя Земфира? Вот полюбуйся. Сейчас у нее уже другой избранник. О тебе она даже не вспоминает. Может, ты опять станешь мне говорить о неправильном джихаде?

Тимофей что-то сказал ожидавшей его Земфире, после чего они заразительно и весело рассмеялись. По-хозяйски ухватив девушку под руку, он неторопливо пошел с ней по тротуару.

– Она похорошела. Я не знал ее такой, – с горечью выдавил Рамзиль.

– Он хочет твою женщину. Тебе так не кажется?

– Я его сейчас убью! – Рамзиль попытался выйти из машины.

– Не надо. – Тяжелая рука Мухаджира опустилась на его плечо, заставив остановиться. – Сделаешь это позже... Когда я скажу.

– Хорошо, брат мой, я сделаю все, что ты скажешь, – смиренно согласился Рамзиль.

Мухаджир запустил двигатель.

– Вот и отлично, а теперь поедем доедать нашего барашка. А то боюсь, что он уже остыл.

Глава 6

Женские пристрастия

Откинув одеяло, Крис поднялась и направилась в ванную комнату. Абу Рахим невольно задержал взгляд на ее безукоризненно прямых ногах. Каким-то странным образом Крис получила над ним власть, чего прежде не удавалось ни одной женщине, что перешагивали порог его квартиры. Скорее всего, девушка даже не догадывалась, какое влияние она на него имеет, а уж если бы знала, так непременно бы воспользовалась на всю катушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.